

Код личного счастья

Автор:

Олег Рой

Код личного счастья

Олег Юрьевич Рой

«Код личного счастья» – лучший рождественский роман, прекрасно создающий новогоднее настроение и ощущение праздника даже тогда, когда за окном нет и намёка на зиму. Каждому своему читателю роман «Код личного счастья» подарит крупинку волшебства и веру в то, что чудеса в нашей жизни всё-таки случаются. И не только под Новый год.

Лирическая история рассказывает о трёх подругах – Алёне, Даше и Ларисе. Все эти три молодые женщины очень разные, каждая из них – яркая индивидуальность, у каждой своя особенная судьба, ничем не напоминающая судьбу подруг. И однажды под Новый год каждой из них выпадает особый шанс – такой, который бывает только раз в жизни...

Книга Олега Роя поможет каждому, кто только возьмёт её в руки, найти свой собственный, не подходящий никому другому, «код личного счастья». Ведь порой случается, что это счастье даже не надо искать – оно у нас уже есть. Просто нужно внимательно оглянуться по сторонам, чтобы его увидеть.

Олег Рой

Код личного счастья

© Резепкин О., 2017

* * *

27 декабря

Пролог

О непредсказуемости петербургской погоды сказано уже, наверное, все, что только можно. С чем ее только не сравнивают, как только не ругают... А ей до того и дела нет, как красавице с глянцевой обложки нет дела до сплетен и слухов, витающих вокруг ее имени. Что бы о ней ни говорили, красавица уверена и в своей привлекательности, и в преданности поклонников, которые простят ей любые капризы. Точно так же петербуржцы прощают любимому городу все прихоти и крайности его климата – ради его неповторимого очарования. Они знают: города, прекраснее Санкт-Петербурга, нет в целом свете. Даже в туман, в дождь и в слякоть. Что уж говорить о погожих днях...

Сейчас день подходил к концу, наступал вечер, зато какой! Настоящая рождественская сказка. Медленно кружась, снег падал крупными хлопьями и легко, с каким-то особенным, истинно петербургским достоинством оседал на крышах, на проводах, на узорных оградах, ложился пышными сугробами, сверкая в свете фонарей и по-новогоднему украшенных витрин. Казалось, даже автомобили, полноводной рекой лившиеся в этот час по центральным улицам, сбавили скорость и притихли, чтобы не нарушить очарование вечера.

Один из автомобилей, ярко-красная «Киа», отделился от потока и затормозил около входа в метро. Сидевшая за рулем молодая женщина с короткими темно-русыми волосами чуть наклонилась, рассматривая толпящихся на тротуаре прохожих, нашла кого-то взглядом, улыбнулась, дважды нажала на клаксон и помахала рукой. Через некоторое время задняя дверь машины распахнулась, и теплый салон наполнился ароматом зимней свежести, смехом и веселыми голосами.

– Ну, Ларка, ты, как всегда, точно, минута в минуту! – воскликнула одна из пассажирок, высокая красивая девушка в красной спортивной куртке, которая очень шла к ее темным, почти черным, волосам.

– Ну так она же у нас бизнес-леди, ей положено, – со смехом откликнулась вторая, миловидная блондинка с явной склонностью к полноте.

– Мне тоже положено, – вздохнула брюнетка. – Но никак не получается не опаздывать... Не понимаю, как от меня еще клиенты не разбежались.

– Не говори ерунды, Аленка, никуда они от тебя не денутся! – заверила блондинка, пристраивая на коленях торт, а рядом, на сиденье, пузатую сумку.

– Это точно, где они еще найдут такого мастера? – согласилась Лара, наблюдавшая в зеркало возню на заднем сиденье. – Дашка, может, отправим твою сумку в багажник? Она ж вам мешает!

– Не! – Даша энергично затрясла выбившимися из-под шапки золотистыми кудряшками. – Багажникам я не доверяю. У меня банки!

– Неужели свои фирменные маринованные опята везешь? – обрадовалась Лара, трогаясь с места.

– А как же! – весело подтвердила Даша. – И грибочки, и огурцы, и лечо твое, Аленка, любимое... Надо ж побаловать дорогих подружек! Тем более что так редко видеться стали.

– Да уж, Лара, если бы не твое новоселье, я бы в этом году точно к вам не вырвалась, – поделилась Алена. – Вы же знаете, какая у меня сейчас горячая пора. Всем хочется к Новому году быть красивыми. Так что дни расписаны не просто по часам, а даже по минутам.

– Да уж, хорошо, что я постриглась заранее, на той неделе, – Лара снова бросила взгляд в зеркало и слегка поправила асимметричную челку.

– Ну а я и так красивая! – хохотнула Даша.

– Оно конечно, – повернулась к ней Алена, – но все-таки выкроила бы время да заехала ко мне. Ты ж знаешь, ради тебя я всех клиенток подвину. Сделали бы тебе такую прическу, что ах! Ренат увидит и заново влюбится, вот увидишь.

Даша снова хихикнула, но на этот раз уже как-то не слишком весело.

– Аленка, ну что ты говоришь... Какое там «выкроить время»! Это перед Новым-то годом!.. У меня сейчас дурдом творится, не хуже, чем у тебя. Майке нужно перешить карнавальный костюм для утренника, у Руськи только позавчера температура спала, а что Тимур на днях учудил, ты и сама знаешь...

– А что такое? – заинтересовалась Лара, сворачивая с оживленного шоссе в тихий заснеженный переулок. – Я не в теме.

– Да башку побрил, – возмущенно сообщила Даша.

– Налысо? – удивилась Лара.

– Если б налысо, еще ничего... А то взял и выбрил себе половину волос. Придурок! Так и ходил два дня – половина головы лохматая, половина лысая. Красота! Еле загнала его к Аленке, та его, как смогла, в порядок привела, хоть какое-то подобие прически сделала.

– Это что ж, Ален, у них теперь, у молодежи, мода такая? – недоумевала Лариса.

– Ну, сейчас действительно в тренде экстравагантные стрижки... – признала Алена. – Но мне Тимур сказал, что выбрил часть волос, потому что держал пари и проиграл.

– И о чем только думал... – ворчала Даша. – Здоровый лоб, тринадцать лет, ростом почти с отца, а ума меньше, чем у Майки. А ведь уже влюблен...

– Правда, он с тобой и такими вещами делится? – заинтересовалась Алена. – И ты знаешь, кто ему нравится?

– Конечно, знаю, как же иначе. Из параллельного класса, хорошая девочка, из интеллигентной семьи. Мы с ее бабушкой знакомы, она тоже в родительском

комитете.

– Не устаю тебе поражаться, Дашка! – покачала головой Алена. – И как ты с ними тремя управляешься? Я и с одним-то скоро с ума сойду. Совершенно неуправляемый стал. Дома ничего делать не хочет, дерзит, слово скажешь – обижается... Раньше все сидел, как пришитый, у компьютера, зависал в играх да в соцсетях, спать не загонишь. А теперь дома почти и не бывает. Пропадать стал подолгу, куда ходит, с кем – не рассказывает. Когда по телефону говорит, закрывается в своей комнате. Сплошные тайны.

– А ты давно с ним разговаривала? – поинтересовалась Даша. – Не в смысле «Когда придешь? Хлеба купи! Посуду помой!», а так, чтобы по душам, спокойно, не торопясь?

– Да когда же мне? – Алена только вздохнула. – Целыми днями как белка в колесе, с раннего утра до поздней ночи, без выходных и проходных. Либо сама к клиентам, либо они ко мне... А их ведь не просто стричь, красить и укладывать надо, с каждой же поговорить требуется! Каждая норовит что-то рассказать, чем-то поделиться, что-то обсудить... За день так наболтаешься, столько жалоб и негативной энергии наберешь, что после работы и рот открывать не хочется. Лечь бы да уткнуться в телевизор...

– Ну вот видишь! – мягко укорила Даша. – А Никита, конечно же, страдает, что тебе все время не до него. Вспомни себя в этом возрасте.

– Отлично помню! – с чувством воскликнула Алена. – На мне в пятнадцать лет уже весь дом был. И продукты покупала, и убирала, и стирала, и готовила. Да еще газеты по утрам, до школы, разносила, чтобы купить ткань и сшить себе что-нибудь – иначе ходить было бы вообще не в чем. Да что я вам рассказываю, вы моих расчудесных маменьку с папенькой прекрасно знали... А у Ника все есть, чего душа пожелает – и смартфон хороший, и ноутбук, вот даже гироскутер купила ему на день рождения... И вообще – можно подумать, я ради своего удовольствия гроблюсь на работе с утра до ночи!.. Для него же стараюсь! Чтоб не чувствовал себя хуже других!..

– Аленка, ну это понятно... Тебе тяжело, кто же спорит, – Даша положила руку на плечо подруги. – Ты одна растишь сына, снимаешь квартиру и все такое... Но тебе все равно легче, чем Никите. Ты взрослая, сильная. И умная. А он – пока

еще нет. Ему ж всего пятнадцать. И если ты сейчас потеряешь с ним контакт, он может натворить глупостей...

- Вот этого-то я и боюсь! - мрачно кивнула Алена. - Так все время ему и говорю: если узнаю, что он выпивает, наркотой балуется или еще что-то в этом духе, три шкуры с него спущу!

Даша хотела что-то ответить, но не успела. Автомобиль сбавил скорость, и Лара громко возвестила:

- Приехали.

- А ничего себе домик, - заметила Алена, окидывая взглядом современную многоэтажку.

- И не говори! - довольно улыбнулась Лара, ведя машину во двор через автоматически раскрывшиеся ворота. - В кои веки мне по всем статьям повезло с квартирой. Вы же помните мою эпопею: что ни снимала, все было с каким-то изъяном. То хозяйка не в меру любопытная, могла нагряться без предупреждения даже среди ночи, то соседи шумные, то батарею постоянно прорывало... В последней квартире, на Савушкина, все было хорошо, но очень уж от работы далеко, пока доберешься через все мосты... А тут - и дом новый, и хозяева вменяемые, и район хороший, до офиса за двадцать минут долетаю, если больших пробок нет. Не жилье, а счастье!

Припарковав машину на закрепленном за Лариной квартирой месте, подруги подхватили торт, сумки и сумочки и направились через запорошенный свежим снегом двор к парадному.

- И на каком же оно этаже, твое счастье? - осведомилась Даша, поднимаясь на крыльцо.

- На тринадцатом, разумеется, - Лара набрала код, но входная дверь не открылась, раздался звуковой сигнал об ошибке.

- Что за фигня? - возмутилась новоселка. - Я ж все правильно нажала! Восемь-два-три-шесть... Хотя, может, не три-шесть, а шесть-три?

– Эх ты! – усмехнулась Алена. – Забыла код от собственного счастья.

– Ничего я не забыла! – обиженно возразила Лара, но на всякий случай сверилась с айфоном. – Ну да, все правильно, три-шесть... Видимо, просто глюк.

И снова набрала комбинацию цифр. На этот раз электроника повела себя как надо. Дверь отворилась, впуская подруг в ярко освещенное теплое парадное.

– А ты хорошо сказала, Аленка, – «код от счастья», – мечтательно проговорила Даша, прислоняясь к стенке зеркального лифта. – Вот если бы у каждого человека был такой код...

– В каком смысле? – не поняли подруги.

– Ну, в таком... – пустилась в объяснения Даша. – Если бы человек мог просто отгадать некое число или слово, и это давало бы ему ключи от его счастья. Каждый получил бы то, что ему больше всего нужно, о чем он мечтает...

– Тогда бы Лара оказалась самой счастливой на свете! – засмеялась Алена. – Она же у нас математик, коды и цифры как орешки щелкает.

– Ради счастья и я напряглась бы, – заверила Даша. – Хотя всегда ненавидела математику.

– Но разве ты не счастлива, Дашка? – удивилась Лара. – Ты? У тебя же чудесная семья, любящий муж и целых трое детей. Чего тебе еще желать?

Даша смущенно потупилась и ничего не ответила.

Двери лифта с тихим шумом раскрылись, выпуская подруг на лестничную площадку, заставленную комнатными цветами. Алена и Даша понимающе переглянулись.

– Что, вся твоя оранжерея не вместились в квартиру? – с улыбкой спросила Дашка.

– Здесь южная сторона, – объяснила Лара, открывая дверь квартиры. – А у меня окна на запад, и некоторым цветам мало света. Алоказия, вот, вообще не может без солнца. А драцена...

– Хватит, хватит, только не садись на своего любимого конька! – со смехом перебила Алена. – Лучше похвастайся, как ты устроилась, я умираю от любопытства.

Похвастаться действительно было чем – такой изящной и со вкусом обставленной оказалась квартира, вся выдержанная в мягких бежевых и коричневых тонах. Высокие потолки и минимум мебели создавали ощущение простора, а детали интерьера, каждая из которых чудесным образом расположилась именно на своем месте, придавали новому жилью Ларисы неповторимый уют. Завершала картину стоявшая у одной из стен живая канадская сосна, украшенная матовыми белыми шарами, натуральными шишками и золотисто-коричневыми лентами.

– Как красиво! А елка! Так и просится на фотку в глянцевый журнал, – оценила Алена. А Даша сплеснула руками:

– Ларка, как же у тебя свободно, сколько места! Хоть на велике гоняй!

– На самом деле квартира не такая уж большая, всего пятьдесят четыре метра, – Лариса с удовольствием стащила сапоги и переобулась в изящные домашние туфельки на низком каблуке. – Но мне вполне хватает... Давайте, девочки, мойте руки и перекусим. Есть хочу – просто умираю! Пообедать не успела...

– Не дрейфь, сейчас все будет! – Даша уже поднялась на небольшое возвышение, отделявшее кухонную зону от гостиной, и разбирала пузатую сумку, вынимая из нее банки с соленьями, разнокалиберные пластиковые контейнеры с цветными крышками, какие-то аппетитно промасленные свертки...

– Ларка, доставай тарелки и бокалы, – командовала она, повязывая на ходу фартук. – Аленка, ты вот это все раскладывай, а я пока курицу с грибами разогрею. И пирожки... Ларка, где тут у тебя сковородки? Мне бы самую глубокую...

Вскоре комната наполнилась головокружительными ароматами домашней еды.

– Дашка, ну куда ж ты столько натащила! – ахала Лариса, открывая бутылку вина, которое привезла летом из Италии и специально берегла для встречи с подругами. – Тут на целую роту голодных студентов хватит!

– Ну так мы же праздновать твое новоселье приехали! – смеялась Даша, склонившись над плитой и орудуя лопаткой. – А то я тебя знаю, у тебя небось в холодильнике только сыр и фрукты.

– И хлеб, – напомнила Алена. – Ларка же у нас все с хлебом ест, даже макароны.

– Вот мне бы так, как Лара, – есть булки и не толстеть... – мечтательно закатила глаза Даша. – А то такое чувство, что последнее время меня разносит от одной только мысли о еде. Аленка, ты салат заправишь? Вон там в баночке майонез домашний...

Когда Лариса наконец положила вилку и откинулась на спинку стула, она только и могла охнуть.

– И не говори! – поддакнула Алена. – Уж не помню, когда последний раз так наедалась. Наверное, на твоём, Дашка, дне рождения...

– Ну что ж вы даже салат не доели? – огорчилась Даша. – Не понравился, что ли?

– Ну что ты, очень вкусно! – возразила Алена. – Просто его так много...

– Уже не лезет! – поддержала ее Лара. – Я, наверное, теперь дня три есть не смогу.

– Тогда давайте выпьем! – предложила Даша. – Не оставлять же такое классное вино...

– А за что будем пить? – уточнила Алена, пока хозяйка дома разливала остатки уже второй бутылки по бокалам. – За новоселье пили, старый год проводили, а за новый пить еще рано.

– Уже можно! – радостно воскликнула Даша. Она заметно покраснелась, глаза ее сияли. – У меня предложение – давайте выпьем за то, чтобы в новом году исполнились наши заветные желания! Вот что прямо сейчас попросим у судьбы, то пусть и сбудется. Пусть судьба подарит каждой из нас именно то, чего ей не хватает для счастья.

– И чего же тебе не хватает для счастья? – Лара протянула подруге наполненный бокал.

– Мне-е-е... – Даша мечтательно уставилась в потолок. – Вы, девочки, наверное, будете смеяться, но я хочу работать. Со стороны, наверное, может показаться, что у меня все есть – счастливая семья, надежный муж, чудесные дети... Но я устала быть домохозяйкой. Я ведь способна на что-то большее, понимаете! Не просто быть женой хорошего мужа и матерью прекрасных детей, а самой что-то делать... Быть личностью! Хочу, чтобы меня ценили, чтоб мной дорожили. Не только за пирожки и борщ, а как тебя, Лара, ценят на работе, как тобой, Аленка, дорожат твои клиенты...

– Ну так найди работу, – пожала плечами Алена. – Сейчас это не такая уж большая проблема.

Даша погрустнела и покачала головой.

– Слишком много «но»... Ренат, скорее всего, будет против. Он привык приходить домой, где убрано, постирано и готов ужин. Если я стану пропадать на работе, кто же домом займется? Дети еще маленькие, Майке только пять... И потом, самое главное, кто меня возьмет-то на работу – без образования, практически без опыта? Официанткой разве что или продавщицей куда-нибудь в супермаркет. Но там график насыщенный, буду домой еле живая приползать... В общем, тупик, девочки.

– Значит, надо выпить за выход из тупика, – Лара потянулась к бокалу, но Даша ее остановила.

– Нет, погоди. Это только мое желание, а как же ваши? Вот ты, Лара, хочешь ребенка, я знаю. Ты об этом не говоришь, но ведь и так ясно...

– Дашка! – Алена строго посмотрела на подругу, которая, по ее мнению, проявила бестактность. – Тебе, похоже, сегодня больше не наливаем!

– Нет, почему же, – пожала плечами Лара. – Даша права. Я действительно больше всего на свете хочу ребенка. Да, я сделала хорошую карьеру, я востребованный специалист и прилично зарабатываю... Может быть, даже через некоторое время смогу купить свою квартиру, а не мотаться по съемным. Но мне этого мало. Признаюсь, девочки, я вам обеим немного завидую... По-хорошему, конечно, – торопливо уточнила она. – Но ведь дети – это такое счастье...

– Да уж, счастье! – фыркнула Алена. – Ну, раз уж на то пошло, я загадаю, чтобы у моего «счастья» поскорее закончился переходный возраст. А то сил с ним больше никаких нет!

Из прихожей донеслась электронная музыка, и Лара вопросительно взглянула на подруг:

– Девочки, чей телефон звонит?

– Мой, – со вздохом ответила Даша. – Только это не телефон, а будильник. Поставила его на девять. Пора домой, детей спать укладывать. Так что хочешь не хочешь – а надо выдвигаться.

– И я с тобой, – поддержала Алена. – Никиты, конечно, наверняка дома нет... Но все равно поеду, мне завтра вставать в половине шестого. Первая клиентка записалась на восемь, а она живет у черта на рогах...

Лара тоже вздохнула. Как же ей хотелось посидеть подольше, поболтать о том о сем с подругами детства, а не оставаться снова одной в квартире, где из домоладцев только телевизор, а собеседники исключительно виртуальные. Пытаясь компенсировать нехватку реального общения, Лариса много времени проводила в Интернете, регулярно вела дневник и часто зависала в соцсетях, но это, конечно, не шло ни в какое сравнение с такими вот посиделками. Увы, Лара понимала, что уговаривать девчонок остаться подольше бесполезно – они и сами хотели бы, да не могут... И поэтому не сказала ни слова, только вызвала подругам такси. После чего снова протянула им бокалы и подняла свой:

– Ну что, девчонки, на посошок! За то, чтобы в будущем году каждая из нас наконец подобрала бы свой код счастья!

28 декабря

Глава 1

Лариса. Хмурое утро

Выглянув на следующее утро в окно, Лара с грустью убедилась, что от вчерашней рождественской сказки не осталось и следа. Еще не рассвело, но и в рассеянном свете фонарей было прекрасно видно, что роскошный снегопад превратился в мелкий противный дождь. Пышные сугробы сдулись и заметно просели, ветви деревьев, вчера так красиво одетые инеем, оголились и промокли, а градусник сообщил, что температура поднялась на несколько делений выше нуля. В такую погоду остаться бы дома, налить свежесваренного чая в любимую большую кружку с Эйфелевой башней, забраться с ногами на диван, завернуться в теплый плед и смотреть целый день какой-нибудь уютный сериал про красивую любовь... Но работающий человек не может позволить себе подобной роскоши в будний день. Хочешь не хочешь, – а нужно одеваться, причесываться, накладывать макияж и выдвигаться в офис. И лучше бы пораньше, потому что на дорогах наверняка будут пробки.

Лара лениво поплелась в ванную, чувствуя себя усталой, разбитой и несчастной. Отчего это так бывает – чем лучше проведешь время накануне, тем паршивее становится на другой день? И дело совсем не в похмелье, нет у нее никакого похмелья, они и выпили-то вчера с девчонками всего ничего, пару бутылок легкого сухого вина на троих. А вот муторно на душе, тошно, и отчего-то так жаль себя...

Насчет пробок Лариса как в воду глядела. Сегодня всемогущий Невский проспект оказался бессилён перед сотнями, а может, и тысячами машин, которые словно затеяли игру «в паровозик» и замерли в бесконечно длинном

хвосте. Вереница автомобилей тянулась от Гостиного Двора до самой Невы.

Стоять в пробке – удовольствие ниже среднего. Тем более в такую погоду, когда не покидает чувство, что на дворе не конец декабря, а ноябрь. На фоне дождя и слякоти новогоднее убранство улиц и витрин казалось какой-то насмешкой – не то что вчера...

Утро уже вступило в свои права, но на улице все еще было темно. Ветер усиливался, свинцовые тучи опустились до самых крыш, а стилизованные под старину фонари склонили матово-золотистые головы над тротуарами, словно понимая, что все равно бессильны перед туманом и непогодой. Наступавший день явно не сулил ничего хорошего...

«Ладно, что это я расклеилась?» – отчитала сама себя Лариса. В конце концов, ей не хуже, а даже во многом лучше, чем другим. По крайней мере, она не должна топтать по лужам, кутаясь в пальто и пытаясь хоть как-то спрятаться от мокрого снега и ветра, а может сидеть в сухой и теплой машине. Она молода и здорова, она едет на работу, и не просто на работу, а на работу любимую, интересную и хорошо оплачиваемую. У нее есть чудесные подруги, с которыми она вчера все-таки сумела повидаться, несмотря на то что все они очень заняты. К тому же скоро Новый год и длинные каникулы, которые она проведет не где-нибудь, а в Доминикане. Обычно Лара ездила на зимние праздники в Европу, но в этом году ее посетила идея встретить Новый год на пляже под пальмами. Это наверняка будет здорово, даже несмотря на то, что компанию для поездки найти так и не удалось. Ну ничего, компания наверняка отыщется на месте, за этим дело не станет. Путешествие уже не за горами, самолет вылетает послезавтра, тридцатого декабря, в восемь вечера. Завтра последний рабочий день, а вечером корпоратив в шикарном ресторане на Большой Морской. Правда, Лара еще не решила, пойдет туда или нет. Последнее время тусовки и вечеринки, которые она раньше так любила, стали казаться однообразными и все более унылыми. Праздники чудесны в детстве и радостны в юности, но когда становишься взрослым, они только добавляют забот, которых и в будни более чем хватает.

Плотный поток машин по-прежнему едва-едва двигался. От скуки Лара включила радио и тут же пожалела об этом: на трех волнах подряд ведущие бодрыми голосами вещали, что Новый год – семейный праздник, и встречать его надо в кругу родных и близких. Ларисе на это оставалось только горько вздохнуть. Что греха таить, она просто мечтала бы провести рождественские

каникулы в кругу семьи. Вот только семьи, увы, никакой не имелось...

Родилась и выросла Лариса в Луге, маленьком городе Ленинградской области, в семье, как это называется, «матери-одиночки» – хотя это словосочетание и звучит до крайности нелепо. Какое же это одиночество, когда у тебя есть ребенок? Отца своего Лара знала только по единственной фотографии – выцветшему от времени групповому черно-белому снимку, запечатлевшему большую компанию у костра на лесной поляне. Мама говорила, что Ларисин отец был инженером на местном заводе и еще до рождения дочери они развелись, и муж навсегда уехал из города, не оставив адреса, и больше не появлялся в ее жизни, так что даже не знал, что у него есть ребенок. И как, наверное, все дети, волею судьбы оказавшиеся в подобной ситуации, маленькая Лара мечтала, что однажды папа все-таки вернется к ним, они станут жить втроем и будут очень счастливы. Но годы шли, а отец все не возвращался. И у Ларисы появилась другая мечта – разыскать его. Начиная осваивать Интернет, она первым делом вбивала в строки поисковиков и соцсетей отцовские имя и фамилию – но безрезультатно. Только после маминной смерти, разбирая семейные архивы, Лара узнала, что ее родители не были женаты. Никаких свидетельств, ни о браке, ни о разводе в документах не обнаружилось. И фамилия, которую Лара носила и всю жизнь считала отцовской, оказалась маминной девичьей. Так что никакого Дьяконова Вячеслава Михайловича и не существовало на свете. Того, кто стал ее отцом, скорее всего, даже звали по-другому. Но как – Ларисе уже не узнать. Эту тайну, как выражались в старинных романах, ее мама унесла с собой в могилу.

Зато мама у Ларисы была чудесная. Как ни странно это может прозвучать, но детство выросшей в неполной семье Лары было гораздо счастливее, чем детство многих ее сверстников, у которых имелись и мама, и папа. Никаких ссор, скандалов, ругани. И все время вместе, либо вдвоем, либо с маминными учениками – та была учительницей физики в средней школе. Лариса росла послушным и спокойным ребенком, она с раннего детства могла подолгу сидеть молча, не требуя внимания, тихонько рисуя или играя где-нибудь в уголке или на последней парте, пока у мамы шел педсовет или классный час. А уж когда девочка выучилась читать (на тот момент Ларе было всего четыре года), Елена Владимировна навсегда забыла о вопросе, чем бы занять дочку. Читала Лариса запоем и практически все подряд, не деля книги по принципу «это мне интересно, а это нет». Были, конечно, и фавориты, но и то, что не попадало в их число, все равно дочитывалось до последней страницы, и только после этого девочка решала, понравилась ей книга или нет.

Вся жизнь маленькой семьи вращалась вокруг школы, и первые пятнадцать лет своей жизни Лара не сомневалась, что тоже станет учительницей, как мама. Лишь в десятом классе она осмелилась признаться самой себе, что математика и физика ей действительно нравятся, а вот работать с детьми не тянет. Детей Лариса любила, но не настолько, чтобы посвятить им жизнь. Во всяком случае, чужим. Своим-то другое дело...

Лара боялась, что выбор ею другой профессии огорчит маму, но тревоги оказались совершенно напрасны, Елена Владимировна только одобрила решение дочери.

«И правильно, – сказала она. – Быть учителем, сама знаешь, непросто. Без истинного призвания в нашей профессии делать нечего. А с математическим или физическим образованием ты всегда сможешь найти хорошую работу. Да и зарплату повыше учительской».

То, что Лариса обязательно будет учиться в Питере, мама с дочкой решили еще давным-давно, оставалось только выбрать вуз. И пока старшеклассница Лариса грезилась о Санкт-Петербургском университете, Елена Владимировна рассуждала более практично и искала способы обеспечить дочке платное обучение. Увы, таких способов не нашлось, Ларе пришлось рассчитывать только на собственные силы. И она несколько лет, что называется, рыла носом землю, готовясь к вступительным экзаменам. И мама, и дочка понимали – то, что Лариса лучшая в классе по точным наукам, то, что она уверенно идет на медаль и побеждает на олимпиадах, все равно мало что значит. Это играет роль здесь, в школе маленького города Луги. А в Петербурге будет по-другому, там таких «лучших» может оказаться до десятка человек на место.

Вообще-то Питер от Луги не так уж далеко, всего два часа на электричке или автобусе. Лара много раз бывала в Северной столице, привыкла к дороге и собиралась каждый день ездить на занятия в институт из дома, но мама решительно воспротивилась.

«Нет, дочка, это не вариант, – заявила Елена Владимировна. – Два часа до Петербурга, да потом еще по городу... Получится как минимум пять, а то и шесть часов на дорогу. Раз в неделю это еще куда ни шло, но каждый день выдержать невозможно. Тебе потребуется общежитие».

После этих слов шестнадцатилетняя Лариса всерьез испугалась. Бесшабашная жизнь в общаге, где, как ей представлялось, царят исключительно свободные нравы, где круглые сутки дым коромыслом и «веселье» с громкой музыкой и выпивкой, а то и что похуже, казалась скромной девочке если не кошмаром, то, во всяком случае, чем-то чуждым и для нее неприемлемым. В подростковом возрасте Лара была застенчивой, не слишком общительной и очень домашней девочкой, даже в летний лагерь одна никогда не ездила, всегда только с мамой. Как же она покинет родной дом, где все так привычно, где вокруг ее любимые книги и любимые комнатные цветы? Как будет жить сама, без мамы, в чужом городе, под одной крышей с толпой незнакомой молодежи? Однако Лариса прекрасно понимала, что Елена Владимировна права. Из Луги в петербургский институт не наездишься. И дала себе слово, что справится. Чего бы ей это ни стоило.

В Питер они отправились втроем – Лара, Даша и Алена. С жизнерадостной хохотушкой Дашкой Федотчевой Лариса дружила еще с детского сада, Алена Рябова примкнула к ним уже гораздо позже, в старших классах. У нее, как и у Ларисы, имелась заветная мечта – Алена отлично шила и хотела стать дизайнером одежды. У Дашки с заветной мечтой было не так однозначно, и ехала она не столько за ней, сколько за компанию с подругами – манили огни большого города. Зато у Даши нашлась в Питере родственница, которая жила одна в двух комнатах коммуналки и пустила к себе девочек за чисто символическую плату. Так что, во всяком случае на первое время, обошлось без общежития, и Лариса вздохнула с облегчением.

Будучи медалисткой и победительницей олимпиад, Лара по правилам тех лет могла подать документы в несколько вузов сразу, и это оказалось очень кстати. Потому что на математический факультет СПбУ она не попала, но зато поступила в Технический университет точной механики и оптики. И считала, что ей очень повезло – хотя и Дашка, и Алена наперебой уверяли, что дело тут не в везении. То, что Лариса хорошо прошла вступительные испытания, по их мнению, было лишь только ее собственной заслугой. Им обеим удача в то лето не улыбнулась. Алене для поступления не хватило баллов, а Дашка вообще вылетела после первого экзамена, но зато тут же нашла работу – официанткой в близлежащем кафе, куда потом пристроила и Алену.

К удивлению Лары, учиться в университете оказалось не так трудно, как она опасалась. И в общем и целом еще интереснее, чем ей представлялось. Встречались, разумеется, и нелюбимые предметы, и неприятные преподаватели,

но от курса к курсу неинтересных дисциплин становилось все меньше, а преподаватели, даже те, о которых ходила слава злых, вредных и лютых, в большинстве своем благоволили к умной, старательной и искренне увлеченной учебной студентке.

В студенческие годы почти все «приезжие» думают о том, как бы попрочнее закрепиться в городе, где они учатся. Конечно, думала о будущем и Лариса, понимавшая, что работу по специальности она в родной Луге не найдет. И не только думала, но и двигалась в нужном направлении, однако искала при этом не жениха с питерской пропиской, а хорошую работу – желательно интересную и обязательно с достаточной зарплатой, чтобы хватало на съемное жилье. Тогда со временем можно будет перевезти в Питер и маму, без которой она все еще очень скучала и вместе с которой проводила все праздники и большую часть выходных.

Поиски были нелегкими, но в конце концов все-таки увенчались успехом. В середине пятого курса Лара сумела устроиться секретарем в одну из самых крупных питерских фирм, занимающихся охранными системами. Писать диплом приходилось вечерами и ночами, а защищать его во время отпуска, взятого за свой счет, – но зато к окончанию университета Лара уже была неплохо трудоустроена, а не вышла из дверей вуза в неизвестность, как это часто бывает с молодыми специалистами.

К этому времени с подругами они уже разъехались, поскольку сначала Алена, а потом Даша вышли замуж. Первая, правда, неудачно, зато вторая – вполне себе счастливо. Вот только питерского жилья у Рената, Дашкиного мужа, не имелось, поэтому Ларисе пришлось освободить молодоженам комнату и сначала переехать в общагу (которая к тому времени уже, к счастью, не вызывала ужаса), а потом, когда ее повысили на работе, начать самой снимать жилье. Карьеру Лариса делала упорно и планомерно и потому за одиннадцать лет сумела дорасти от простого секретаря до руководителя отдела по работе с клиентами.

За это время многое изменилось и в ней самой. Из долговязой застенчивой девочки, которая то и дело краснела, хихикала по поводу и без повода и вечно не знала, куда деть длинные руки и ноги, Лара превратилась в интересную, уверенную в себе молодую женщину. С возрастом она поняла – то, что мама постоянно твердила ей «внешность в человеке не главное», вовсе не означало «ты некрасивая, зато хорошая и умная», как тогда казалось. Это значило лишь

то, что ее мама действительно ценит в людях не внешний облик, а внутреннее содержание. К сожалению, в юности мы слишком часто придумываем себе проблемы на пустом месте, даже там, где на них нет и намека. И накручиваем себя, переживаем, тратим душевные силы на то, что на деле оказывается несостоящим пустяком, а то и вовсе нашими фантазиями. А когда разбираемся что к чему, обычно бывает уже поздно.

Когда Лариса стала зарабатывать достаточно, чтобы снимать уже не комнату в коммуналке в стиле «бабушкин вариант» и с окнами во двор-колодец, а отдельную квартиру с хорошим ремонтом, она начала уговаривать маму выйти на пенсию и перебраться к ней в Питер.

- Ты сорок три года проработала в своей школе, пора и отдохнуть, - убеждала дочь.

Сначала Елена Владимировна отказывалась, уверяя, что не хочет срываться с насиженного места, что не сможет без работы, без своих любимых учеников.

- Тут я иду по городу, так не проходит и пяти минут, чтобы со мной кто-нибудь не поздоровался, - говорила она. - Либо нынешний ученик, либо бывший, либо кто-то из родителей... А в Питере такого не будет.

- Зато в Питере театры, концерты и музеи, - выдвигала аргументы Лара. - И еще здесь я, твоя дочь.

Лариса догадывалась, что дело совсем не в маминой работе и привычке к месту жительства. Просто Елена Владимировна не хочет ей мешать. Мама искренне надеется, что в ближайшее время, ну максимум через несколько лет, дочка выйдет замуж, и тогда Елена Владимировна окажется лишней. Думая об этом, Лариса только горько улыбалась. Сама она уже почти не сомневалась в том, что в итоге повторит мамину судьбу - так и останется на всю жизнь одна. Время бежало с неумолимой быстротой, а Лара еще ни разу и не примерила на себя роль жены - ни официальной, ни даже гражданской. Хотя влюбляться начала рано, с третьего класса, когда вдруг прониклась нежными чувствами к руководителю шахматного кружка в городском доме детского творчества. То, что объекту ее ранней страсти было хорошо за пятьдесят, девочку не смущало. Зато он казался необыкновенно умным и носил пышные усы, что делало его похожим на мушкетера из любимой книги.

С тех пор объекты влюбленности неоднократно менялись, но неизменно были взрослее Лары – десятиклассники, вожатые в лагере, куда они ездили с мамой каждое лето, старшие братья и даже отцы подруг. Естественно, шансы на взаимность в подобных романах невелики, но Лариса на нее и не претендовала. Ее собственные переживания были настолько яркими, что девочке хватало их с лихвой. Она берегла их, как невероятную ценность, не делилась ими ни с кем, ни с подругами, ни даже с мамой, и никогда не стремилась сократить дистанцию между собой и своим избранником, который, как правило, даже и не догадывался о ее пылких чувствах. И пока ее одноклассницы всюду набирались опыта любовных отношений со сверстниками, Лара лишь вздыхала по новому соседу из квартиры напротив, накачанному тридцатилетнему шатену, обладателю серебристой «Тойоты», единственной тогда в их дворе машины с правым рулем.

Со временем объекты нежных чувств Ларисы сделались более достигаемыми – но все равно все они были намного старше нее. Почти все время учебы в университете Лара была влюблена в доцента своей кафедры. Тому льстило внимание столь юной особы, и он с удовольствием закрутил с ней роман, длившийся три с половиной года. Но когда перед последним курсом Лара осмелилась задать робкий вопрос о будущем, то узнала, что ее избранник и в мыслях не имеет разводиться с женой, бросать детей и создавать новую семью с влюбленной провинциалочкой, пусть даже такой симпатичной, неглупой и начитанной. Вскоре после этого Лара неудачно упала, учась кататься на роликах, и сломала ногу. Обошлось без последствий, но травма и лечение оказались столь мучительными, что Лариса решила – это наказание свыше. И впредь навсегда зареклась иметь дело с женатыми мужчинами.

Но и после этого, когда Лариса уже перестала быть, как она сама выражалась, «молоденькой дурочкой» и сделалась деловой женщиной, востребованным специалистом, в ее личной жизни так ничего и не изменилось. Она по-прежнему обращала внимание на солидных мужчин, многие из которых не прочь были завести с ней интрижку, но дальше дело никогда не продвигалось. В тот момент, когда Лара начала уговаривать маму переехать к ней, она как раз переживала разрыв с Виктором, сороклетним другом ее босса. После бурного и по-своему счастливого двухгодичного романа тот все-таки решил вернуться к бывшей жене и детям. А Лара в который уж раз осталась у разбитого корыта.

– Это ведь так несправедливо! – рыдала она на плече у верной подруги Дашки. – За что мне это все? Поняла бы, если б за разрушенные семьи... Но я ведь никакой семьи не разрушила! Виктор уже расстался с женой, когда мы с ним сошлись. У нас все было так хорошо – и вдруг...

– А так ли хорошо все было? – осторожно возражала Даша. – Вы с ним находились в отношениях два года, но виделись раз в неделю, не чаще. Да, он приносил тебе подарки и водил по ресторанам, но даже с друзьями не познакомил, не говоря о том, чтобы предложить жить вместе. И в отпуск ты все это время ездила с мамой, а не с ним. Все это плохие знаки, Ларка, ты просто не желала их замечать. А я, увы, давно поняла, что у вас с Виктором ничего не выйдет. Намекала тебе, но ты меня не слушала...

– Ну что ж мне так не везет-то, Даш? – шмыгала носом Лариса.

– Видишь ли, я, конечно, не психолог... – смущенно отвечала подруга. – Но мне кажется, ты выбираешь не тех мужчин. Ты выросла без отца и теперь всю жизнь ищешь себе не любимого мужчину, а любимого папу. Хотя сама этого и не осознаешь.

– Но что я могу поделать, если мне нравятся только те мужчины, которые старше меня? – возражала Лара. – Не могу же я себя переделать!

Впрочем, она тогда все-таки вняла советам подруги и обратила внимание на ровесника, менеджера из фирмы-партнера. С ним все было хорошо целых три месяца – пока Ларису не угораздило предложить Антону жить вместе. Тот вдруг засуетился, забормотал, что не готов еще к такому решительному шагу, и как-то очень быстро исчез из Лариной жизни.

– Видимо, ты поторопилась, – заключила Даша. – А этот твой Антон оказался из тех мужчин, которые как огня боятся любого намека на развитие отношений.

– То есть тоже «не тот мужчина», – вздохнула Лариса. – Пусть и ровесник, а все равно не тот. Но где ж взять «того»?

– Жди, – пожимала плечами Дашка. – Жди и надейся. Однажды взойдет и твоя звезда.

Но Дашке легко говорить, на тот момент она уже больше десяти лет была замужем за Ренатом. А Лара... Лара решила просто махнуть рукой на пресловутую «личную жизнь». В конце концов, ее мама никогда не выходила замуж, но была вполне счастлива. Когда-нибудь Лара, как мама, родит ребенка «для себя». А пока... Пока Лариса, как тысячи, а может быть, и миллионы ее сестер по несчастью, утешала себя тем, что не это главное в жизни. Именно от такой безысходности женщины современного мира переросли мужчин, научились быть успешными, вне зависимости от того, есть рядом сильное плечо или нет. Они делают карьеру, зарабатывают большие деньги, пробиваются во власть, рожают детей и в одиночку их воспитывают – и все это лишь затем, чтобы доказать тому единственному, который даже и не встретился, сомнительную истину, что для счастья мужчина не нужен. А то, что больно до слез, точно занозу в сердце вонзили, видеть вот такую парочку, которая бредет по туманному утреннему Невскому, держась за руки, влюбленно переглядываясь и не замечая ни снега с дождем, ни грязи, вообще ничего вокруг – так это не страшно. Можно просто отвернуться и не смотреть на них...

Мама в итоге все-таки поддалась на уговоры. Но не сразу, а лишь после того, как у нее случился инфаркт. Лара тогда, несмотря на завал на работе, спешно взяла отпуск и помчалась ухаживать за Еленой Владимировной. К счастью, мама относительно быстро выкарабкалась, и когда немного окрепла, Лариса решительно заявила, что забирает ее к себе. И Елена Владимировна не стала больше спорить.

Тогда им обоим казалось, что это отличное решение. Если бы Лара знала, к чему оно приведет... Хотя первое время все было просто замечательно. За год мама практически полностью восстановилась и уже могла исполнить свою давнюю мечту – регулярно ходить по театрам и музеям. Но однажды (это случилось в високосный год, 29 февраля, с тех пор Лара навсегда возненавидела эту дату), Елена Владимировна отправилась на выставку старинной фотографии, поскользнулась, переходя дорогу, и попала под машину. Водитель был не виноват, он не мог ничего поделать, и к тому же сам вызвал «Скорую». Елену Владимировну отвезли в больницу, и врачи боролись за ее жизнь, но спасти так и не смогли.

Когда Лара узнала об этом, ей вдруг показалось, что у нее выбили почву из-под ног, и она так и осталась висеть в воздухе без поддержки и опоры. Зачем, зачем она уговорила маму переехать в Питер? Если бы та осталась в Луге, то была бы еще жива... Похороны и первые месяцы после них прошли в каком-то горько-

соленом тумане с вечным привкусом слез и боли, не затихающей и во сне. Не помогли даже сочувствие и поддержка друзей, которые, конечно же, не оставили Ларису одну в трудную минуту и все время находились рядом. Но жизнь продолжалась и ставила новые задачи. С тех пор Лара с головой ушла в работу, и теперь, к тридцати четырем годам, искренне верила, что научилась не только жить одна, но даже чувствовать себя при этом если не счастливой, то, по крайней мере, вполне благополучной.

Именно в этом месте Ларины размышления прервал раздавшийся сбоку настойчивый сигнал клаксона. Лариса недовольно посмотрела влево – посмотреть на того идиота, который думает, что от его гудка пробка сразу рассосется, – и встретила знакомую приветливую улыбку. За рулем застывшего в соседнем ряду черного «Вольво» скучал ее коллега, новый начальник отдела маркетинга. Иван устроился в их фирму недавно, около месяца назад, и сразу вызвал интерес женской части коллектива благодаря симпатичной внешности, обаянию и приятной манере держаться. Арина, всеведущая секретарь шефа, тут же разболтала всем, что Ивану сорок один год, он родился в Петербурге, разведен и не имеет детей – одним словом, просто идеальный кандидат в женихи. Лара была с Иваном едва знакома, так, встречались несколько раз на совещаниях у начальства, но сейчас он улыбался ей как хорошей подруге и даже открыл правое окно и наклонился к пассажирскому сиденью, явно чтоб что-то сказать. Ларисе ничего не оставалось, как последовать его примеру и тоже опустить стекло, сразу ощутив влажную прохладу проникшего в салон воздуха.

– Привет товарищу по несчастью! – улыбнулся Иван.

– И не говорите! – Лариса выразительно вздохнула. – Уж застряли так застряли. Неизвестно, сколько еще тут проторчим.

– Ничего, к корпоративу точно поспеем! – жизнерадостно откликнулся собеседник. – Вы ведь будете на корпоративе, Лариса?

То, что он не просто помнил, как ее зовут, но и назвал просто по имени, без отчества, было приятно.

– Еще не решила, – ответила она и поймала себя на том, что в голосе, неожиданно для нее самой, появилась кокетливая интонация.

– Так решай и приходи.

Снова послышался гудок клаксона, на этот раз сзади. Лариса осмотрелась и только сейчас заметила, что движение на Невском вдруг, точно по мановению волшебной палочки, сделалось активнее. Машины впереди нее уже сдвинулись с места, и, болтая с Иваном, она перегородила дорогу всему ряду. Пришлось торопливо извиниться и рвануть вперед. Закрывая окно, она услышала, как Иван повторил:

– Приходи! Я буду тебя ждать.

Лара ехала по Невскому, и погода уже не казалась такой отвратительной. Вот уже и Дворцовый мост, перегороженный строительным забором, остался позади, и стрелка Васильевского острова с панорамой Петропавловки. Свернув направо, Лара миновала Биржевой мост и оказалась на Петроградской стороне. Ехала, а сама ловила себя на том, что то и дело бросает взгляды в зеркало. Где-то там черный «Вольво» Ивана, не отстал ли?

Глава 2

Алена. Переходный возраст

Некоторые психологи утверждают, что отношение человека к праздникам – это лакмусовая бумажка, показывающая, насколько гармонична его жизнь. Счастливые и организованные люди любят праздники. Они с удовольствием отключаются от работы и будничных забот, развлекаются, наслаждаются отдыхом и общением с близкими, а когда настает момент, возвращаются к трудам праведным без особых сожалений и чувства, что выходные пролетели слишком быстро. Те же, кто не любит праздников, чаще всего несчастливы. Может быть, они одиноки, или не умеют радоваться жизни и видят в ней только плохое, или они превратились в работоголиков, чтобы подсознательно сбежать от своих психологических проблем... В общем, в любом случае с ними наверняка что-то не так. Эту теорию Алена однажды услышала от Дашки и тут же дополнила классификацию психологов третьей категорией: теми, для кого праздники означают не отдых, а самую что ни на есть горячую рабочую пору. Это артисты, играющие Деда Мороза и Снегурочку в новогоднюю ночь,

всевозможные аниматоры, ведущие праздников, работники телевидения и радио, а также многие другие, кто на протяжении всех каникул обслуживают отдыхающих. Это сбивающиеся с ног продавцы в продуктовых магазинах и магазинах, где покупаются подарки. Это врачи, полицейские, пожарные, для которых чей-то «отрыв» оборачивается многократным увеличением вызовов. И наконец, это парикмахеры, работающие в салонах красоты, и такие, как она, Алена, «свободные художники», которые принимают клиентов у себя дома или сами ездят к ним.

Начиная с двадцатых чисел декабря каждый день Алены с раннего утра и до поздней ночи был расписан по минутам. В это время удавалось неплохо заработать, но давалась «новогодняя страда», как в шутку называла этот период Алена, очень нелегко. Порой за целый день не находилось и пары минут, чтобы выпить чашку кофе. Бывало, она еле-еле успевала выкурить сигарету в перерывах между работой и снова бежала кого-то стричь, красить, причесывать и накладывать макияж. То, что Алене удалось в предпраздничную пору освободить вечер для Ларкиного новоселья, было, по меньшей мере, чудом. И, увы, ударом по карману – пришлось сильно перекроить свой график и отказать как минимум трем клиенткам. Не то чтобы Алена об этом жалела, нет, конечно, встреча с подругами – это святое! Но на другой день, чтобы все успеть, пришлось подняться ни свет ни заря и собираться впопыхах – вчера, когда она вернулась с новоселья, на это не осталось ни времени, ни сил. Торопливо кидая в сумку инструменты, краску, пеньюары и все остальное, Алена вспомнила, что у нее сломалась зарядка к смартфону, а купить новую она, разумеется, забыла. Пришлось на цыпочках красться в комнату сына и, тихонько подсвечивая себе телефоном, как фонариком, искать его зарядку среди царившего здесь невообразимого бардака. Ох, Никита, Никита!.. Оно, конечно, никто из подростков не любит делать уборку, Дашка это много раз повторяла, – но у Алены было такое чувство, что ее сын не просто неряшлив, а нарочно захламляет свою комнату назло матери, зная, насколько ее это раздражает. Мелькнуло желание немедленно разбудить сына и устроить ему хорошенькую взбучку, но Алена справилась с собой. Ладно уж, пусть поспит... К счастью, зарядка отыскалась быстро. Прихватив ее, Алена все так же на цыпочках вышла из комнаты, а Ник даже не пошевелился во сне.

Ранним утром автомобилей на улицах еще не так много, как в час пик. Старенький «Опель», выгодно купленный по случаю, домчал Алену к первой на сегодня клиентке почти без опозданий. Вернее, к клиенткам – это были две молоденькие сестры со смешной фамилией Печиборщ, приехавшие из Ростова-на-Дону «покорять Питер». И надо сказать, это им неплохо удавалось. Еще летом

сестры торговали овощами на рынке – а сейчас одна из них уже работала продавщицей в бутике на Невском, а вторая недавно устроилась личным помощником директора страховой компании. Как они этого достигли, Алена из вежливости не спрашивала. Да и какое ее дело? Для нее важно, что обеим сестрам нужно хорошо выглядеть, и поэтому они вызывали ее к себе никак не реже раза, а то и двух в месяц. Алена уже отладила процесс работы с сестрами до автоматизма – успевала постричь одну за то время, пока другая сидела в краске.

Сестры были неплохими девчонками, и Алена с удовольствием общалась с ними – чего никак нельзя было сказать о клиентке, записанной в ее ежедневнике следующей. Девятнадцатилетняя Милена, то ли пятая, то ли шестая по счету жена какого-то крупного бизнесмена (какого именно, Алена не знала и вдаваться в подробности не собиралась), жила в Репино и являлась на редкость неприятной особой. На поездки в ее роскошный коттедж с бассейном и зимним садом под стеклянной крышей уходило минимум полдня, но хуже всего было даже не это, а то, что Милена никогда не могла точно распределить свое время. Сколько уже раз она выдергивала Алену к себе, а та, приехав, обнаруживала, что хозяйки нет дома. В конце концов, Алена взяла себе за правило всегда предварительно звонить – иногда это помогало, но, увы, не всегда. Кроме необязательности богатой клиентки, Алена страдала и от ее необычайно капризного характера. За время стрижки и покраски Милена могла несколько раз передумать, чего же именно ей сегодня хочется, и приходилось перестраиваться уже на ходу. Словом, иметь дело с Миленой было нелегко, но Алена мужественно терпела – деньги ей требовались. К тому же Милена иногда рекомендовала ее своим знакомым. Правда, они в клиентках у Алены обычно не задерживались, но Милена почему-то предпочитала именно ее всем другим мастерам. Однажды Алена, не выдержав капризов, поинтересовалась, почему бы клиентке не сменить мастера на кого-то более известного и престижного, – и услышала в ответ, что богатую фифу, видите ли, очень устраивает ее высокое качество работы по такой низкой цене. Модные раскрученные мастера сдерут с нее, Милены, кучу денег – а Алена берет за свою работу в разы меньше, а стрижет не хуже. Оказалось, что, даже живя в трехэтажном коттедже площадью пятьсот квадратных метров, некоторые продолжают экономить копейки – и при этом за счет услуги. Хотя, как подозревала Алена, дело тут было не только в экономии. Возможно, раскрученные мастера просто не стали бы терпеть выходок капризной клиентки и прекратили бы ее обслуживать. Но вот Алене выбирать не приходится...

Сев в свою машину, Алена с удовольствием закурила, набрала номер Милены и долго слушала длинные гудки, пока механический голос наконец не сообщил, что «абонент не отвечает». Дозвониться удалось только с четвертой попытки.

- А? Кто там еще в такую рань? - сонным голосом проворчала клиентка.

- Это Алена. Мы с вами договорились на сегодня, на полдень.

- Алена? Какая Алена? Ах да... А сколько время?

- Четверть двенадцатого. Так мне приезжать к вам сейчас?

- Ой, нет... Я сплю... Вчера так клево оттянулись на пати...

- Понятно, - Алена изо всех сил старалась не выдать своего раздражения. - Когда мне позвонить?

- Ну-у... Давай попозже.

- Попозже - это во сколько?

- Ну-у... Давай часика в два. Или в три.

- Так в два или в три?

- Ну, давай в три.

- Хорошо, - от злости, что все планы летят к чертям, Алена отключилась, не попрощавшись. Но ничего страшного. Милена даже не заметит ее невежливости, так как сама не обладает хорошим воспитанием.

Впрочем, тут же заключила Алена, нет худа без добра. Зато можно поехать домой и позвать к себе Лизу, которой позавчера пришлось отказать. Лизка работает неподалеку и сможет заскочить в любое время. И что бы ни пришлось делать, до трех они точно успеют.

По возрасту Лиза была примерно ровесницей Милены, может, немного помладше, а по внешности и характеру – полной ее противоположностью. Полноватая, с плохой кожей и невыразительными чертами лица, она относилась к тому типу девушек, которым нужно сильно постараться, чтобы стать привлекательными и понравиться кому-нибудь. Дело тут даже не столько во внешности, сколько во внутреннем огне и уверенности в себе – а бедняжке Лизе сильно не хватало и того и другого. Лизу однажды привела подруга, постоянная клиентка Алены, и с тех пор девушка так и ходила к ней стричься, поскольку работала неподалеку, в маленькой семейной пекарне, принадлежащей Лизиной тете. Лиза исправно угощала Алену свежими пирожками и булочками собственного изготовления, и та никогда не отказывалась – готовили в их пекарне вкусно. Работая с Лизой, Алена каждый раз уговаривала клиентку покраситься и старалась соорудить из ее жидких волос мышиного цвета хоть что-то привлекательное. Хотя Лиза всего лишь просила обновить стрижку, Алена старалась и делала еще и укладку – просто так, бесплатно. Однажды она порекомендовала девушке знакомого косметолога, но, насколько Алена знала, Лиза до него так и не дошла.

Девушка всего смущалась. Когда она позвонила Алене первый раз, чтобы записаться на стрижку, то робко уточнила:

– А вы одна дома будете?

– Я живу с сыном, – сообщила Алена, – но он, даже когда дома, в мой рабочий кабинет не заходит.

– Хорошо, тогда я приеду! – обрадовалась Лиза и тут же поправилась: – То есть я и так приеду... Но...

И Алена заверила:

– Да, конечно, нас никто не побеспокоит!

С тех пор, когда приходила Лиза, Алена попросила Никиту не сталкиваться с ней в коридоре. Ник, к слову, уважительно относился к работе матери и никогда не мешал. Вежливо здоровался с клиентками, если случайно встречал их, и тут же уходил в свою комнату. С недавних пор Алена заметила, что некоторые из них уже называют Ника «молодым человеком» и общаются с ним как с мужчиной, а

не как с ребенком. Однажды он чуть ли не целый час развлекал клиентку, пока Алена ехала из «Ашана» и застряла в пробке. Волновалась она тогда сильно, потому что Марина Сергеевна, молодящаяся дама неопределенного возраста, была постоянным и прибыльным клиентом, но с характером, – из тех, кому нелегко угодить. Однако дома, к своему большому изумлению, Алена обнаружила клиентку весело болтающей и даже кокетничающей с Ником. Более того, он даже сварил кофе – Алена и не подозревала, что Ник умеет это делать.

Алена приехала домой около полудня – время, в которое Ник обычно всегда был в школе, поэтому не стала заглядывать в комнату сына. Она уже много лет снимала изолированную двушку. Комната поменьше принадлежала Никите, а свою Алене пришлось разделить на рабочую и спальную зоны, разграничив их ширмой. В рабочей зоне поместились комод с зеркалом и профессиональное парикмахерское кресло, на которое пришлось раскошелиться, но дело того стоило.

Оглядев знакомую комнату, Алена пожалела, что не купила елку. Глядишь, появилось бы и праздничное настроение, которого у нее который год нет и в помине. Но старая искусственная елка давно потеряла вид, и пару лет назад ее пришлось выбросить. А обзавестись новой Алена так и не удосужилась. Ну ладно, Никита уже взрослый, ему елка не нужна. И Алена как-нибудь обойдется, у нее других забот хватает.

Лиза, как обычно, была точна, даже пришла на пять минут раньше, Алена едва успела переодеться и выкурить сигарету. Усадив клиентку в кресло, накинула на нее пеньюар для стрижки, привычно заправила его под ворот знакомого невзрачного свитера.

– Как сегодня, Лизунь? – спросила она, готовя инструменты. – Как обычно или хочешь что-то новое?

Обычно Лиза носила самую прямую стрижку и просто подравнивала кончики волос. Но сегодня, наверное, в честь праздника, пожелания изменились.

– А можно... – неуверенно проговорила девушка. – Можно мне лесенку?

– Можно и лесенку, – дружелюбно согласилась Алена, разглаживая волосы Лизы.

- И... чуть-чуть покрасить, - выдала та вдруг.

- Потемнее или посветлее? - скрывая свое удивление, спросила Алена.

- А как лучше?

- Потемнее, - не задумываясь, посоветовала Алена. - Тебе пойдет. Еще можно мелирование добавить. Хочешь?

- Хорошо... - нерешительно согласилась клиентка.

- И вместо лесенки давай, наоборот, немного поднимем затылок?

Лиза кивнула, соглашаясь с мнением мастера. Алена разводила краску, сгорая от любопытства. Что же такого произошло у Лизы, что она решила сменить имидж? Неужели влюбилась? Но лезть с расспросами показалось неприлично, да Алена и не хотела лишний раз смущать девушку. Поэтому она занялась делом.

Свою работу Алена любила. Насколько вообще можно любить занятие, в котором ты сам себе хозяин, и, как говорится, как потопашь - так и полопашь. При всех плюсах такой работы времени на себя и свою жизнь практически не остается. Но Алена являлась творческим человеком. И хотя ее нынешняя профессия была далека от юношеской мечты, она все равно позволяла реализовать себя, в том числе как художнику. Алена любила красоту.

С самого детства, сама того не замечая, Алена старалась сделать все как можно лучше и красивее. У нее были самые ровные в песочнице куличи, за которые ее часто хвалили чужие родители, и никогда - ее собственные. Ее немногочисленные детские книжки, а позже учебники всегда находились в идеальном порядке, всегда одеты в обложку или обернуты в бумагу и подписаны круглым разборчивым почерком. Игрушки чинно лежали и сидели на своих местах, а едва их хозяйка научилась держать в руках нитку и иголку (а это произошло довольно рано), еще и обзавелись красивыми нарядами. В младшей школе тетради Алены были самыми аккуратными, и учительница ставила ее в пример всему классу. Правда, это продолжалось недолго, отличницей Алена никогда не являлась, а на одном хорошем почерке далеко не уедешь. Но зато ее контурные карты и другие творческие работы, особенно по труду и рисованию, всегда признавались лучшими. Рисовала Аленка хорошо, но никакого желания

писать портреты или пейзажи не испытывала. Зато часами могла просиживать над альбомом с изображениями моделей одежды. Сначала просто копировала наряды звезд из журналов или воспроизводила по памяти одежду, увиденную в кино и по телевизору, а потом и сама стала придумывать новые модели и набрасывать эскизы. К тринадцати годам уже бо?льшая часть ее гардероба оказалась сшита собственноручно, а в пятнадцать Алена уже брала заказы. Когда они с Дашкой и Ларой явились на выпускной в сшитых ею платьях, то произвели фурор. Это был звездный час Алены. Идея, разработанная, исходя из особенностей фигур подружек, эскиз, выкройка, сочетание цветов, дизайн, выбор ткани и пошив – все было делом ее рук. И увидев, как высоко оценили ее работу даже завистницы, Алена окончательно поверила в свои силы...

– Алена... – робко позвала Лиза.

– Да? – вынырнула Алена из своих мыслей. Лиза стеснялась называть ее по имени и на «ты», но Алена так и не призналась, какое у нее отчество. Обращение «Алена Константиновна» казалось вопиюще старческим. А ей ведь всего тридцать четыре...

Лиза вздохнула, собираясь с духом.

– Алена, а ты не могла бы мне подсказать... Какой-нибудь хороший магазин одежды? Я плохо разбираюсь...

Что правда, то правда, Лиза постоянно ходила в джинсах и растянутых свитерах, что делало ее невзрачную внешность еще более серой.

– Лизка, колись, что случилось? – не выдержала Алена, накладывая краску на прядки волос, выглядывавших из прорезей специальной шапочки для мелирования. – Я, конечно, знаю уйму магазинов, но будет проще, если я пойму, что именно нужно.

Лиза задумчиво почесала нос, высунув руку из-под пеньюара.

– К нам в пекарню стал ходить один мальчик... – смущенно призналась она.

– Вот как... И что же? Он тебе понравился?

– Да... – Лиза вся залилась краской. – Он очень вежливый... Всегда говорит «спасибо» и что очень вкусно. И еще улыбается. Приходит каждое утро, берет чай, булочку с корицей и улитку с творогом. И знаешь что?.. Тетя считает, что он ходит из-за меня. – После этих слов лицо Лизы из просто красного сделалось пунцовым.

«Или просто любит пожрать мучного», – заключила про себя Алена, предпочитая не обольщаться насчет мужчин. Однако расстраивать Лизу она не стала, только спросила осторожно:

– И из чего тетя сделала такой вывод?

– Он... – от волнения девушка даже стала заикаться. – Он спросил, работаем ли мы тридцать первого декабря. И когда я сказала, что будем работать, как обычно, до десяти, спросил, как в остальные праздничные дни. Вот тетя и решила, что он, наверное, хочет меня куда-нибудь пригласить.

«Или просто боится остаться в каникулы без плюшек», – цинично подумала Алена, но вслух, конечно же, сказала совсем другое:

– Что ж, поняла. Дам тебе адреса нескольких магазинов, которые, думаю, тебе подойдут. Сейчас, перед Новым годом, там как раз должны быть распродажи и скидки...

– Спасибо, – поблагодарила Лиза. – Я просто... не знаю всего этого. У меня и подруг-то нет, посоветоваться не с кем... – вздохнула она. И надолго задумалась.

Только когда с покраской, со стрижкой и с укладкой было уже покончено и Алена выключила фен, Лиза снова вздохнула, но уже по-другому, точно на что-то решалась, и вдруг попросила:

– А можно... Можно вы... ты со мной вместе сходишь? Поможешь что-нибудь подобрать?

– Ох... – только и могла выдохнуть Алена. Перед Новым годом времени на поход с Лизой у нее не было совсем. Все расписано, ну просто ни одной минутки свободной. Но и обижать девушку совсем не хотелось... Что бы такое придумать?

– Попробую, но не могу ничего обещать, – неопределенно проговорила она. – Давай созвонимся через пару дней. Ну, скажем, тридцатого утром. И я тебе точно...

Закончить фразу Алена не успела. Дверь распахнулась, и в комнату вошел Никита с таким недовольным видом, что, взглянув на сына, мать невольно встревожилась.

– Ник... Ты уже дома? Почему так рано? Случилось что-нибудь?

Увидев его, Лиза ужасно смутилась, но парень словно и заметил, что у его мамы сидит клиентка. Даже не поздоровался.

– Какого хрена ты взяла мою зарядку? – грубо спросил он. Бесцеремонно отодвинул ширму, подошел к кровати и забрал с тумбочки зарядное устройство.

– Как ты себя ведешь? – возмутилась Алена. – Хотя бы постучал.

– Да я уже целый час стучусь, а тебе по фигу! – рявкнул сын. – Трещишь тут, ля-ля-ля, да ля-ля-ля... А у меня смартфон совсем сдох, зарядка срочно нужна.

– Никита!.. – От негодования Алена не могла найти слов. Она и правда могла не услышать стука в дверь из-за шума фена – но это же не повод так разговаривать с матерью! Последнее время сына как подменили, он постоянно ей дерзил, но еще ни разу не случилось, чтобы он позволил себе что-то подобное при клиентах. Лиза от испуга вжалась в кресло и с ужасом глядела на мать и сына. – Сейчас же иди к себе в комнату! Я поговорю с тобой позже.

– Уже испугался... – проворчал парень. И вышел, хлопнув дверью, унося с собой зарядку. Алена с большим трудом сумела взять себя в руки.

– Извини, Лиз, – сказала она клиентке. – У него переходный возраст... Сама понимаешь.

– Да-да, конечно, – пробормотала девушка. – Мы ведь уже закончили, да?

Ей явно не терпелось поскорее уйти.

– Сейчас я поищу тебе адреса магазинов, – предложила Алена, но Лиза уже успела сбросить пенюар и рылась в рюкзаке в поисках кошелька.

– Как-нибудь в другой раз, хорошо? А то ты сказала, что свободна только до трех, а уже почти три... И мне надо бежать... Большое спасибо.

Лиза умчалась, даже не дав толком рассмотреть, хорошо ли получилась прическа. Алена, вместо того чтобы идти разговаривать с сыном, взяла телефон и набрала номер Милены. В этот раз клиентка ответила сразу же, но, судя по разочарованному тону, ждала она совсем другого звонка.

– А, это ты... – недовольно протянула она.

– Я. Вы сказали позвонить в три часа, – напомнила Алена. – Хотелось бы знать, встречаемся мы сегодня или нет, чтобы скорректировать свои планы.

– Да-да, мне срочняк постричься надо! – защебетала трубка. – К празднику хочу быть такой офигенной, чтобы все попадали! Приезжай вечером, часиков в шесть... Или лучше в семь. Или в восемь...

– Давайте сделаем так: я позвоню в шесть, и вы скажете точно, во сколько мне прие... – начала было Алена, но Милена ее перебила.

– Все, чмоки-чмоки, мне звонят! – выкрикнула она и отключилась.

Алена тихонько выругалась себе под нос, но потом решила – все что ни делается, то к лучшему. По крайней мере, она сможет постричь Антонину Николаевну, которая вот-вот должна подойти. А если поспешит, то даже успеет еще выпить кофе. Однако разговор с Никитой придется отложить. Но это и хорошо, сейчас она явно к нему не готова.

Пройдя мимо комнаты сына, из-за двери которой доносился шум компьютерной «стрелялки», Алена отправилась на кухню, открыла форточку, закурила и наполнила электрический чайник. Против ее воли мысли все время возвращались к Никите.

Что с ним такое творится? Дашка говорит, что это нормально, мол, переходный возраст и со временем пройдет... Но Тимур на два года младше Ника. И пока невозможно представить, чтобы он так вел себя с родителями. Ренат, Дашкин муж, конечно, никогда не позволил бы подобного. Может, все дело в том, что Ник растет без отца? Или этот проклятый переходный возраст бывает не у всех? У нее, Алены, точно не наблюдалось подобного.

Ее переходный возраст пришелся на период, когда уже стало ясно – родители окончательно спились, пути назад нет. Сколько Алена себя помнила, мать и отец всегда имели с этим проблемы, но раньше она все еще надеялась, что как-нибудь обойдется... Отец уходил в запои то на несколько дней, то на несколько месяцев. Алена прекрасно изучила, как это происходило. Сначала он начинал выпивать с друзьями, возвращаясь с работы позднее обычного и навеселе. Тогда он мог принести дочке какой-нибудь внезапный и несуразный подарок. Порой это было что-то хорошее, вроде новой куклы или шоколадки, а порой что-то странное, типа гаечного ключа. Один раз пьяный отец выдал шестилетней Алене пачку презервативов. Они так и валялись несколько лет в ящике письменного стола, пока она их не выкинула.

В следующий этап запоев отец возвращался поздней ночью и ругался с матерью. Алена уже спала и каждый раз в испуге просыпалась от громких криков и грохота. До драк у родителей тогда, к счастью, дело доходило еще редко, но швыряться чем-нибудь друг в друга и ломать вещи было вполне обычным явлением. Потом папа начинал пропадать на несколько дней, потом на недели. Эту стадию Алена скорее даже любила, поскольку отец выпивал где-то далеко, а дома не появлялся. Это был относительно тихий период в их жизни, и мама в это время уделяла больше внимания дочери. Потом отец возвращался, похудевший, с заплывшим лицом, и уверял, что закодировался и теперь все пойдет на лад. В детстве Алена не понимала, что значит «закодироваться», но каждый раз всей душой хотела верить, что жизнь и впрямь наконец-то наладится. Часто после возвращения отец и впрямь не пил какое-то время, но его хватало ненадолго, на несколько месяцев, максимум на полгода, а потом запои возобновлялись.

А мама спилась постепенно. Алена еще помнила то время, когда мать была красивой женщиной, следила за собой, стыдила отца за склонность к выпивке, а сама если и прикладывалась к рюмке, то лишь изредка, по праздникам. Но потом алкоголь в доме стал появляться все чаще и чаще. Сначала для этого придумывались какие-то поводы, потом мама стала обходиться без них. К тому моменту когда Алене исполнилось тринадцать, ее мать выпивала уже каждый

день. Отец тоже не отставал от нее, и в доме начался ад. Они то напивались вместе, то ругались до хрипоты, то расходились, то мирились. Ор стоял в квартире круглыми сутками, то от ругани, то от большой компании друзей, которую родители «приглашали в гости». Как-то раз один такой «друг» ввалился к Алене в комнату и попытался ее изнасиловать. На счастье, он был сильно пьян, и девочке удалось отбиться, но никто из родителей даже не чухнулся. Тогда она психанула и на две недели ушла жить к Ларисе. Вернулась, когда обременять Ларисину маму стало уже совсем неловко. Аленины мать и отец даже не заметили ее отсутствия. На глазах у дочери они постепенно деградировали, превращаясь из неплохих людей и сносных родителей в полнейших дегенератов, которых, кроме спиртного, не интересовало уже ничего.

За некоторое время до той истории сначала мать, а потом отец бросили работу. Как ни странно, деньги на выпивку у них как-то находились, а вот на еду – уже нет. Четырнадцатилетней Алене пришлось самой заботиться о себе. Она устроилась на почту и стала брать заказы на шитье, с которыми очень помогали Дашкины родители и Ларкина мама. Денег старалась домой не приносить, получив их, сразу покупала продукты или материалы для шитья – иначе родители отобрали бы заработок силой, такое несколько раз случалось. Один из Алениных поклонников, в которых у нее никогда не было недостатка, врезал в дверь ее комнаты замок, который девушка, уходя из дома, каждый раз запирала, чтобы родителям не пришлось в голову продать ее единственное сокровище – оставшуюся от бабушки швейную машину. Все остальное в доме, имевшее хоть малейшую ценность, уже было продано.

И Алена со всем справилась. Сжав зубы, девушка считала дни до окончания школы. Еще немного – и она уедет в Питер вместе с Ларой и Дашей, поступит в институт и со временем станет успешным дизайнером одежды. А пока надо еще немного потерпеть...

С тех пор прошло немало лет, но у Алены до сих пор все сжималось внутри, когда она видела на улице или в транспорте пьяного человека. Сама она почти не употребляла алкоголь, максимум выпивала пару бокалов легкого вина. И отчаянно боялась, что дурная наследственность деда и бабки отразится на Никите. Где-то она читала, что подобные вещи часто передаются через поколение...

Звонок домофона оторвал от горьких воспоминаний – пришла очередная клиентка. Очнувшись, Алена сообразила, что так и стоит над давно вскипевшим

чайником. Что ж, сама виновата, что осталась без кофе...

Глава 3

Даша. Восемь и трое

– Сегодня рано не жди, – предупредил Ренат, щедро намазывая хлеб маслом. – Буду поздно. Работы по горло.

Даша только вздохнула и выключила газ под кастрюлькой, в которой разогревала мужу вчерашние щи. Была у Рената такая привычка: уходя на работу, завтракать супом. Некоторые знакомые... да что там знакомые, собственные дети! – иногда подшучивали над этим, но Даша относилась к привычке мужа с пониманием. Когда сама растешь в большой семье, рано начинаешь осознавать, что все люди разные и что чужая индивидуальность точно так же заслуживает уважения, как твоя собственная. По возможности, конечно. Но разогреть утром заранее сваренный суп совсем не сложно. Даже проще, чем каждый раз выдумывать, какой завтрак приготовить. И обычно это Дашу нисколько не напрягало. Но сегодня утро как-то не задалось, все валялось из рук, а от одной мысли, сколько всего ей предстоит сделать в ближайшее время, хотелось схватиться за голову и взвыть.

И почему последние недели декабря – всегда самая горячая пора года? Дело даже не в подарках и подготовке к праздникам. Просто такое чувство, что люди специально весь год откладывали дела, чтобы наконец-то в двадцатых числах схватиться за все разом. Результат очевиден: везде очереди, пробки, все суетятся, никто ничего не успевает. Взять хотя бы Ларино новоселье. Даша всей душой была привязана к подругам и повидалась с ними вчера с огромным удовольствием... Но, положив руку на сердце, ей (да и Алене наверняка тоже) гораздо удобнее встречаться не в загруженные предпраздничные дни, а в какое-нибудь другое, более спокойное, время. Тогда бы, глядишь, Даша не чувствовала себя на следующее утро такой раздраженной.

– А уж машины-то чего? – недовольно поинтересовалась Даша, ставя перед мужем полную тарелку щей. – С ними-то что под конец декабря случиться могло? Или, хочешь сказать, твои клиенты весь год на разваливающихся тачках

ездили, а тут прорвало?

Ренат бухнул в суп полную ложку сметаны, минутку подумал, добавил вторую, после чего недоуменно взглянул на жену.

- Да по-всякому бывает. Есть лентяи, дотянули до последнего с шинами, до сих пор не переобулись в зимнюю резину... А так да - мелкий ремонт. Никто ж не хочет въезжать в новый год со старыми проблемами в тачке. Ты ж знаешь. Как встретишь, так и проведешь...

- А они что, Новый год в машинах встречать собрались? - фыркнула Даша.

Муж посмотрел на нее с еще большим удивлением.

- Дашка, да что с тобой сегодня? Ты сама на себя не похожа. Какая-то нервная, дерганая... Сердишься, что не получается в каникулы на отдых поехать, да?

Ей тут же стало неловко. И правда, что это она? В том, из-за чего она беспокоится, Ренат уж точно не виноват. Ему и не нужно знать о ее проблемах, у него своих хватает... И Даша ответила примирительно:

- Нет, что ты, все в порядке. Мы ведь уже решили с тобой, что зимой ехать отдыхать не стоит. Лучше уж летом, когда будет тепло. А ребяшня прекрасно проведет каникулы у моих родных, в Луге.

К тому моменту, когда муж наконец-то ушел на работу, Даша уже многое успела - умылась, покормила Рената, приготовила завтрак сыновьям и даже перекусила сама. Не сделала только одного - того, чего ей сейчас хотелось больше всего на свете. Но она понимала, что для этого пока еще не время. Нужно дождаться десяти часов утра.

Провожая мужа, она привычно протянула ему контейнер с бутербродами, поцеловала и пожелала удачи на работе. Если задуматься, то Даша, даже если бы захотела, никогда не смогла бы посчитать, сколько раз за свою жизнь повторяла это действие. Она бросила взгляд на часы. Без пяти семь. Через несколько минут по всей квартире начнется перезвон. Закукарекают часы-петушок в детской у Майки, запиликает будильник в комнате мальчишек,

зазвонит звонок в смартфоне у Тимура. Но, как уже хорошо знала Даша, из всей этой сонной команды без проблем поднимется только средний сын, девятилетний Руслан. А старшего и младшую придется поднимать с боем.

Что ж, начнем, как обычно, с дочурки... Пятилетняя Майка всегда вставала тяжело, до последнего обнимала своего огромного плюшевого медведя и заворачивалась в одеяло, как в кокон. Нередко Даше приходилось буквально вынимать ребенка из постели и ставить на ноги. В вертикальном положении проснуться Майке было уже чуть проще.

– Динь-динь-динь, динь-динь-динь... Смотри, Джинглики уже проснулись, а ты еще нет, – Даша указала на висевший над кроватью Майи плакат с изображением героев ее любимых книг и мультиков. – Надо вставать, солнышко!

– М-м-м...

– Пора, пора, моя радость, – ласково повторяла Даша, засовывая дочкины ноги в тапки в виде пушистых розовых зайцев. – Нам уже через полчаса идти в детский садик.

– Не хочу в садик, – доложила Майка, почти не открывая глаз.

– Почему? – осведомилась Даша, подталкивая дочку в сторону ванной.

– Там Алиса.

Алиса стала большой проблемой в этом году. Она появилась в детском саду в сентябре и на удивление быстро превратилась из лучшей в заклятую подругу. У них с Майкой постоянно шла какая-то необъяснимая война. Девчонки соревновались во всем, в чем только было можно, изматывая не только себя, но и родителей.

– Алиса там, – только и оставалось вздохнуть Даше. – Но там и твои подруги, верно? Катя, Полина, обе Насти. И сегодня твои любимые занятия по английскому. Между прочим, последние в этом году. Послезавтра у вас в саду будет праздник, придут Дед Мороз и Снегурочка и подарят всем подарки. А потом начнутся каникулы, и мы поедем к дедушке с бабушкой.

Обилие аргументов в пользу похода в садик заставило Майку крепко задуматься. Воспользовавшись этим, Даша закрыла за ней дверь ванной и отправилась в комнату к мальчишкам. Руська, молодец, уже поднялся и даже убирал постель. А Тимур, конечно же, и не думал просыпаться...

Тимур снился Софа из параллельного класса, когда мама в очередной раз потрясла его за плечо:

- Тимур, вставай! Иначе вы опять опоздаете! Ты портфель собрал?

Этот вопрос Тимур проигнорировал, перевернувшись на другой бок. Он хотел досмотреть сон про Софу, а не выбираться из-под теплого одеяла и топтать на улицу, где наверняка, как обычно, слякоть, ветер и снег с дождем.

- Ма-а-м, ну можно я без него буду по утрам уходить? - тут же затянул Руська.

- Нет, - привычно отрезала Даша.

- Ну почему?

- Потому что глупо идти по одному в одно и то же место в одно и то же время...

Как, наверное, многие матери, Даша не волновалась за детей только тогда, когда они были у нее на глазах. Не важно, сколько ребенку лет - три, тринадцать или тридцать три, материнское сердце не перестает болеть о нем никогда. Когда сыновья ходили вместе, Даше было за них немного спокойнее. В душе жила наивная надежда, что, когда они вдвоем, шансов, что с ними случится что-то плохое, все же меньше. Может, маньяк или хулиганы не решатся тронуть двух детей, а подождут одиночку... Хотя, с другой стороны, когда два мальчишки вместе, у них и вдвое больше шансов самим что-нибудь натворить... Но об этом Даша старалась не думать.

- Давайте, бегом, завтрак на столе! - скомандовала она и поспешила к дочке, причесать ее и помочь одеться - у той все еще не очень ловко получалось управляться со всевозможными застежками.

Майя по утрам не ела, завтракала в детском саду. Который, к счастью, находился в их же дворе, поэтому Даша спустилась вместе с дочерью на лифте и уже через несколько минут вошла с ней в здание детского сада.

Детский сад, в который ходила Майя, представлял собой низкое и растянутое строение несуразной формы. Как и большинство садов в округе. Даше не слишком здесь нравилось. Слишком яркие разноцветные стены, запах еды, как в советской столовой, старенькая мебель. Но, с другой стороны, садик прямо во дворе, симпатичные воспитатели и неплохая программа занятий. Так что Даша всем говорила, что с садиком им повезло. Многие ее знакомые, реальные и виртуальные, постоянно жаловались то на антисанитарию, то на некомпетентность воспитателей, то еще на что-нибудь, столь же неприятное, чего у Дашиной дочки, к счастью, не было.

Даша помогла дочке переодеться, переобуться из сапожек в тапки, развесить в шкафчике с божьей коровкой пуховик, теплые штаны от комбинезона, шарф, варежки и модную шапочку с ушками, как у кошки, и передала девочку с рук на руки воспитательнице.

– Не забыли про утренник тридцатого? – напомнила та.

– Нет, конечно! – заверила Даша. – Я обязательно приду. И костюм у нас уже готов.

На самом деле насчет костюма она немножко кривила душой – наряд Красной Шапочки, доставшийся в наследство от двоюродной сестры, был Майке великоват и требовал переделки. Но Даша надеялась, что за два дня как-нибудь справится с этой проблемой. В отличие от Алены, рукоделие никогда не было Дашиным коньком, но все-таки ушить платье, которое будет надето всего один раз, ей вполне по силам.

– Я люблю тебя, мама, – сказала Майя, обнимая Дашу перед тем, как та должна была уйти.

– И я тебя, солнышко, – улыбнулась Даша.

Домой она успела вернуться как раз к тому моменту, когда мальчишки доедали завтрак. Вернее, завтракал один Руслан, с аппетитом наворачивал омлет,

который Даша делала по-настоящему сытным – с ветчиной, грибами, сыром и зеленью. Сонный Тимур еле-еле ковырялся в тарелке и вяло прихлебывал чай. С тех пор как он пошел в школу, Дашу остро интересовал вопрос, можно ли давать детям кофе. К сожалению, большинство врачей не советовали делать этого до шестнадцати лет. Что же, осталось не так долго. Три года с Тимуром и каких-то лет одиннадцать с Майкой.

– Давайте, парни, не расслаживайтесь, вам уже пора выходить. – Она чмокнула в макушку Руслана и потрепала Тимура за волосы, вернее за то, что от них осталось. Это ж надо до такого додуматься – на спор выбрить полголовы? Спасибо Алене, спасла положение, превратила этот ужас в какое-то подобие модной стрижки, друзья Тимура вон даже завидуют. Но страшно подумать, что скажут бабушка и дедушка, когда внук приедет к ним второго января...

– Руська, так у вас новогодний утренник-то будет или нет? – поинтересовалась Даша, убирая со стола.

– Будет концерт, – сообщил младший.

– Да? А что ж ты ничего не сказал даже... Ты участвуешь?

– Нет. – Руська наконец поднялся из-за стола.

– А что так? – Даша спросила это машинально, собственно, она и сама знала ответ.

– Я не создан для сцены... – глубокомысленно отозвался Руслан.

Ей оставалось только улыбнуться. Действительно, публичные выступления, как, впрочем, и многое другое, ее младшего сына не интересовали. По складу интересов Руська был типичный естественник – мог часами смотреть телепередачи о путешествиях, хранил все выпуски географических журналов за последние несколько лет и страстно любил животных. В разное время у них дома жили рыбки, хомяк, морская свинка, черепаха и пара волнистых попугайчиков. Но так как ухаживать за всем этим живым уголком приходилось в основном маме, а смерть питомцев, чей век, как известно, очень недолог, сильно расстраивала детей, в один прекрасный день Даша решила, что хватит устраивать в доме филиал зоопарка.

– Руська, ну где ты там? – крикнул из прихожей Тимур. Он уже успел одеться и стоял, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Сонливость потихоньку отступала, и Тимур уже торопился в школу. Не ради уроков, конечно, а потому, что хотел увидеть Софу.

Мальчишки поспешно оделись и вылетели из дома, уже на бегу крикнув маме в ответ, что да, порядок, все взяли и ничего не забыли. На улице, как и предполагал Тимур, оказалось противно, мокро и зябко. Прохожие, спешившие по своим делам, ходили на укутанных в шарфы и шапки пингвинов. Развернувшись навстречу ветру, Тимур вжал голову в плечи и в который раз порадовался, что школа недалеко. Надо, наверное, слушать маму и носить шапку. Все-таки с длинными волосами было гораздо теплее...

Маме он наврал, что выбрил полголовы из-за того, что проиграл спор. Но на самом деле это было не так. Половиной своей роскошной шевелюры Тимур пожертвовал во имя любви.

Софа Горбовская считалась одной из самых красивых девчонок в школе. И уж точно первой воображалой. Мальчишки, и ровесники, и постарше, целыми списками добавлялись к ней в друзья в соцсетях, лайкали все ее фотографии и забрасывали сообщениями, предлагая встречаться. Но никому из них, даже самым симпатичным, Софа ни разу не ответила согласием. Ходили слухи, что самым настойчивым она, точно капризная принцесса из сказки, предлагала пройти три испытания, с которыми никто не мог справиться, и кандидаты в бойфренды Софы всегда оставались не у дел. Девчонок это бесило (хотя и среди девочек подруг у Софы было хоть отбавляй), а некоторым парням даже нравилось. Только не Тимур, во всяком случае раньше. Еще в прошлом году он только смеялся над лузерами, которые пытались обратить на себя внимание Софы. Но незадолго до осенних каникул Горбовская вдруг приснилась ему, причем настолько ярко и впечатляюще, что Тимур невольно весь день думал о ней, наблюдал за ней в школе... И вскоре понял, что влюбился.

Некоторое время он молчал, пытаясь разобраться в себе и справиться со своими чувствами. А когда ни то ни другое не вышло, то написал Софе эсмэску и предложил встретиться на большой перемене под лестницей – в единственном более или менее укромном месте в здании школы.

Тимур опасался, что Софа не придет. Но увидел издалека, как она спускается – высокая, худенькая, светлые волосы падают на плечи крупными завитками. Софа всегда ярко одевалась, и в тот день на ней были красные брюки и желтый свитер.

– Так что ты хотел? – спросила она с лукавой улыбкой, подойдя совсем близко.

От нее пахло клубничными духами.

– Соф-ты-мне-нравишься-давай-встречаться, – скороговоркой пробормотал Тимур, глядя куда-то в сторону.

Он чувствовал себя ужасно. Сердце билось в горле, ладони вспотели. Кафельный пол будто понемногу уезжал из-под ног, а Софа молчала. Наконец Тимур поднял на нее взгляд. Удивленной она не выглядела, скорее задумчивой.

– Ну, даже не зна-а-аю, – протянула она. – А на что ты готов ради этого?

– На все! – тут же выпалил он.

– Чтобы встречаться со мной, – серьезно заявила Софа, – тебе придется выполнить три задания. Вот ты говоришь, что готов на все... А слабо обриться налысо?

Такое предложение Тимур не очень понравилось. У него были хорошие волосы, густые, красивого темно-русого цвета, и ему нравилось их отращивать. И вдруг – обриться?

– Ладно, как скажешь.

– И не просто налысо, – коварно улыбнулась Софа. – А выбрить только половину головы. А вторую половину волос оставить длинными.

– Э-э-э... – озадаченно протянул Тимур.

Он совсем не был готов к таким заданиям. Девочки все-таки очень странные.

– Что «эээ»? – передразнила его Софа. – Не хочешь – не делай. Никто тебя не заставляет.

Тимур еще обдумывал аргументы против, когда на всю школу грянул звонок. Софа тут же сбежала в свой класс. Но в тот день Тимур еще видел ее издали каждую перемену. Тимуру казалось, что Софа смотрит на него, когда шушукается с подружками.

Из школы он шел вместе с лучшим другом Максом, с которым привык делиться всем, что у него происходило.

– Прямо так взял и предложил встречаться? – ошалел тот от признания Тимура.

– Ну да, а что?

– Ну как что? Это ж сама Горбовская. Она звезда, – пояснил Макс. – У нее в Сети несколько тысяч друзей. Ей знаешь, сколько парней предлагали встречаться? А она всем отказала.

– Может, никто из них не выполнил ее заданий? – предположил Тимур.

– А ты что? Серьезно, что ли, побреешь башку? – недоумевал Макс.

– Ну а че? Это ж прикольно!..

Увлечшись своими воспоминаниями о Софе, Тимур не сразу заметил, что шагающий рядом брат что-то увлеченно ему рассказывает. Он прислушался, и оказалось, что Руська без умолку болтает про щенков, которые родились у собаки его друга.

– Такие классные! – восхищался мелкий. – Особенно один, рыжий!.. И родители Глеба готовы отдать их за так, бесплатно. Щенки же не породистые. Как думаешь, может получится уговорить маму, а? Я бы взял рыжего... Давай вместе попробуем маму упросить, а?

– Нет, – решительно покачал головой старший брат. – Даже не думай. Мама ни за что не согласится. Она и так какая-то странная последнее время...

* * *

Проводив наконец детей, Даша хотела сейчас же включить компьютер. Но сперва требовалось заняться более важными делами. Например, упаковать подарки. Праздник уже у дверей, и больше тянуть нельзя, она может просто не успеть. К счастью, куплено все было заранее, требовалось только завернуть каждую вещь в бумагу с рождественским орнаментом и красиво перевязать лентой – чтобы в новогоднюю ночь не стыдно было положить под елку. Елку они уже нарядили, вышло очень красиво, хоть она и искусственная.

А вот с выбором подарков она в этом году помучилась. Проще всего с Майкой, ей был приготовлен наряд Фроси, ее любимой героини из «Джингликов» – голубенький топ и такая же юбка с широкой лентой-поясом, завязывающейся сзади в пышный бант. Даша не сомневалась, что дочка окажется в восторге от такого подарка, она обожает Фросю и стремится во всем ей подражать.

Не так сложно оказалось купить подарок и Руське, Даша сделала это в книжном магазине, выбрала целую пачку красочных изданий о животных, путешествиях и географических открытиях. А вот над тем, что придумать для «старших мужчин», Даша долго ломала голову. Она всегда считала, что с женщинами в этом отношении намного проще, поскольку больше выбор. Женщины рады и хорошему крему или шампуню, и какой-нибудь милой безделушке или красивой более или менее полезной вещичке вроде полотенца, вазы или салатницы. Для мужчины же полезный подарок, такой как парфюм или пена для бритья, – чуть ли не оскорбление. А чего они хотят вместо этого, они часто и сами не знают. Ренат, во всяком случае, никогда не мог ответить на этот вопрос. Но Даша уже не первый год была замужем, изучила вкусы Рената чуть ли не лучше, чем он сам, и приготовила ему под елку хороший набор инструментов. Так что проблемы могли возникнуть только с Тимуром. Даша знала, что старший сын мечтает об айфоне, но это было слишком дорого. Пришлось ограничиться скейтбордом, и она утешала себя тем, что это тоже неплохо...

Когда Дашу называли многодетной матерью, она только тихонько усмехалась про себя. Какая же она многодетная – всего-то трое детей! Вот ее мама и папа действительно многодетные родители – вырастили целых восемь человек, пятерых сыновей и трех дочерей. И всеми гордились. Старшая дочь, Маша, первенец, была главной опорой и поддержкой родителей, их лучшей помощницей. «Не знаю, что бы я делала, если б не Маша, как бы со всем

справлялась», – вечно повторяла мать, когда дети росли. Теперь у Маши девять детей, младшему всего два, а старший весной придет из армии. Младшая Дашина сестра, Настенка, или Малая, как ее до сих пор зовут в семье, хоть и последыш, а самая красивая из всех и всеобщая любимица. Сейчас учится не где-нибудь, а в театральном и уже снялась в нескольких сериалах, правда, пока только в эпизодических ролях, но какие ее годы!.. Старший брат Данила – умник, каких мало, компьютерный гений, его даже пригласили на три года поработать в Германию. Следующий, Вася, – спортсмен, хоккеист, играет в известной команде. Коля в детстве переболел всеми мыслимыми и немыслимыми болезнями, так что никто не удивился, когда он пошел в медицинский и стал педиатром. Сейчас он уже заместитель главврача в Лужской детской больнице. Погодки Сенька и Егор, неразлучная парочка, росли жуткими озорниками, но, несмотря на это, из обоих вышел толк. У них свой бизнес, общий на двоих – супермаркет на Петербургском шоссе при въезде в Лугу, который по праву считается лучшим в городе. И одна только Дашка, пятый ребенок по счету, втиснувшаяся между Колей и Сенькой, никогда не представляла собой ничего особенного.

Она не была хорошенькой и не проявляла в детстве никаких исключительных способностей, средне училась и вообще не выделялась из толпы сверстников. Этакая добродушная, жизнерадостная пухленькая хохотушка, которых обычно в каждом классе минимум по паре. Так как девчонок в семье Федотчевых оказалось меньше, чем парней, Даша рано начала помогать маме по хозяйству и вскоре поняла, что многие из своих обязанностей выполняет с удовольствием. Особенно она полюбила готовить, и нравился ей не столько процесс, сколько то удовольствие, с которым домашние уплетали ее стряпню, когда та удавалась. Кроме кулинарии, было у Даши и другое увлечение – но его она скрывала ото всех, догадываясь, что родные этого не поймут.

Дашу всегда интересовали другие люди, их характеры, их непохожесть друг на друга. Ей нравилось читать книги и задумываться над поведением разных героев, ей было интересно, почему тот или иной человек в определенной ситуации повел себя так, а не иначе. С раннего детства она постоянно вертелась рядом со взрослыми, слушала их разговоры, обожала разные житейские истории и всегда мотала их на ус, осмысляя, кто как поступил и к чему это привело. Став постарше, девочка постепенно сделалась доверенным лицом своих братьев, сестер и подруг. Со всеми своими бедами, заботами и проблемами они всегда шли к ней, и Даша всех выслушивала, утешала, поддерживала, давала советы.

К моменту окончания средней школы Даша уже решила, что хочет стать психологом. Но когда она неосторожно заявила об этом на своем пятнадцатом дне рождения, ее слова встретил громкий смех родителей и других старших родственников. В их семье все были простыми работающими людьми и искренне считали, что девочки и высшее образование – вещи малосовместимые. Задача женщины – растить детей, вести хозяйство, и домашнее, и приусадебное (они жили в частном секторе, в доме с большим участком, почти полностью занятым под сад и огород). А тут – какая-то психология. Ишь, что удумала! Глупости какие.

Тогда Даша страшно обиделась на взрослых и дала себе слово, что больше никогда, ни за что на свете не станет делиться с ними ничем сокровенным. И только став старше, наконец-то поняла, что на самом деле родители совсем не хотели ее обидеть, более того, они искренне желали ей добра. В своем понимании. Эти строгие рамки своего понимания есть у каждого человека. У кого-то они уже, у кого-то значительно шире, но существуют у всех и всех ограничивают. Выйти за свои рамки понимания не способен почти никто, даже самый умный человек. И это нельзя изменить, не нужно возмущаться. Надо просто принять как данность и не требовать от людей того, на что они, в принципе, не способны. Мы же не расстраиваемся из-за того, что человек не умеет летать или дышать под водой без специальных приспособлений. Точно так же не стоит расстраиваться из-за того, что другой человек не способен проникнуть в твой собственный мир и полностью его принять, разделить твои склонности, начать мыслить и чувствовать, как ты.

Осознав эту немудреную истину, Даша научилась применять ее к жизни, и это умение ей очень пригодилось. Особенно с недавних пор, когда у нее вдруг появилась тайна от всех домашних. И в первую очередь – от Рената.

Глава 4

Лариса. Путешествие из Петербурга в Москву

Офис уже который день пестрел новогодним убранством. Секретарь шефа Арина обожала все эти штучки и каждый год накануне католического Рождества ставила в холле у ресепшен большую елку, завешивала все стены и люстры

гирляндами, шариками, мишурой и заставляла все свободные поверхности фигурками Дедов Морозов и Снегурочек, снеговиками, оленями, санками, свечками и композициями из еловых веток и шишек. По мнению Лары, все это отдавало китчем и жуткой безвкусицей, но шеф, Валерий Евгеньевич, был не против. Как-то Лариса в разговоре с ним посетовала, что с рождественским декором Арина явно перебарщивает, но шеф только рукой махнул, мол, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы работало. И по его интонации Лара поняла, что в глубине души Валерию Евгеньевичу все это нравится. Что он и сам, как ребенок, любит Новый год. Впрочем, что тут удивительного? У него двое маленьких детей, любимая красавица жена – есть с кем и для кого устроить праздник.

Рабочий день еще не начался, и в холле было почти пусто – в дни перед каникулами все обычно немного расслабляются и не торопятся приехать в офис раньше срока. «За исключением разве что крысы-Ларисы, – усмехнулась про себя Лара и тут же мысленно добавила: – И Ивана». Он все-таки отстал по дороге, и Лариса, пока парковалась и заходила в здание, так и не увидела его черный «Вольво». Может, Иван заехал куда-нибудь за кофе?

Войдя в пока еще пустой «аквариум», где располагался ее отдел по работе с клиентами, Лара сняла куртку, повесила ее на плечики в шкаф и переобулась в «рабочие» туфли на высоких каблуках. У нее их на работе было целых три пары: черные (универсальный вариант), светлые (летний вариант) и дизайнерские от Manolo Blahnik – для особенно торжественных случаев. А чему удивляться? Ведь в офисе проходила большая часть ее жизни...

Утренняя встреча с Иваном приятно взволновала Ларису. Внутри до сих пор что-то легонько искрилось, словно играло и пузырилось шампанское. Конечно, Лара давно уже была взрослой опытной женщиной и прекрасно понимала, что это вскользь брошенное «Я буду тебя ждать» наверняка сказано просто так. Глупо придавать значение подобным пустякам, еще глупее думать, будто Иван к ней равнодушен. И уж совсем глупо надеяться, что на корпоративе произойдет что-то особенное. Нет, конечно, не стоит ничего ждать от обычной штатной вечеринки... Но все-таки можно зайти, пусть даже ненадолго. Иван всегда нравился Ларе, и если он решил воспользоваться корпоративом как поводом познакомиться с ней поближе, то надо дать ему такой шанс.

Не успела Лариса сесть за стол и включить компьютер, как зазвонил телефон. На экране высветилось слово «BOSS».

– Ларочка, ты уже на посту? – поинтересовался Валерий Евгеньевич. И, не дожидаясь ее ответа, тут же добавил:

– Зайди-ка ко мне, есть дело государственной важности.

– Сейчас буду, – откликнулась Лара, почуяв недоброе. Она слишком давно работала в этой фирме, под началом этого человека, чтобы не знать – обращение «Ларочка», да еще в сочетании с «делом государственной важности» не сулит ничего хорошего. И почему это шеф звонит ей сам, лично? Обычно звонками всегда занимается Арина.

Однако Арины в предбаннике начальственного кабинета не оказалось. Сегодня ее место занимало незнакомое Ларе юное создание с розовыми волосами и пирсингом на нижней губе. При взгляде на эту девчушку Лариса тут же почувствовала себя невероятно древней и старомодной.

– Вы по какому вопросу? – строгим голосом осведомилось создание.

– Меня вызвал Валерий Евгеньевич, – ответила Лара, пряча улыбку – очень уж не вязался деловой тон девчушки с ее неформальным обликом.

– Как вас представить? – Девушка продолжала старательно играть роль хорошего секретаря.

Но Лара была уже у дверей кабинета и держалась за ручку.

– Не надо меня представлять, пожалуйста. Валерий Евгеньевич ждет меня.

Это было действительно так. Шеф приподнялся навстречу из-за массивного дубового стола – не антикварного, но с явным закосом под старину. Ему нравились такие вещи, он даже начал было оформлять свой кабинет в стиле классической английской библиотеки. Но, видимо, не хватило терпения, и потому на сверкающих зеркальными стеклами полках дубовых шкафов стояли не книги в кожаных переплетах, а легкомысленные сувениры, привезенные из поездок по всему земному шару, а стены украшали не какие-нибудь сцены псовой охоты, а фирменные календари их компании с рекламой охранных систем.

– А что это у вас за чудо в перьях сидит в приемной? – любопытствовала Лара после взаимных приветствий.

Шеф заметно поморщился:

– Ох, Ларочка, не сыпь соль на раны... Это Злата, племянница моего друга. Я ведь отпустил Арину на каникулы в Сочи, ну и согласился сдуру временно взять эту тетеху на ее место. А у нее, похоже, мозгов вообще нет. Ничего поручить нельзя. Всего второй день работает, а уже столько напортачила...

– Сочувствую. – Лариса постаралась, чтобы ее голос и улыбка выглядели ободряюще. – С родственниками и знакомыми на работе так, к сожалению, часто получается. Но будем надеяться, что это с непривычки, потом девочка освоится. А там уже и Арина вернется.

– Поверишь, я уже с нетерпением этого жду, – шеф бросил взгляд на календарь.

– Валерий Евгеньевич, вы зачем-то хотели меня видеть, – напомнила Лара.

– Хотел, – кивнул тот и почему-то отвел глаза. – Ларочка, ты уж извини, что так получается... Но дело действительно очень важное. У нас появился весьма и весьма перспективный клиент, ему устанавливают в квартиру электронную охранную сигнализацию. Установят ее уже сегодня, а тебе нужно будет завтра приехать и разъяснить, что к чему. Ты ведь возьмешь это на себя, правда?

Лариса пожала плечами:

– Вообще-то, Валерий Евгеньевич, это не моя работа. Может, вы забыли, что я сама уже давно по клиентам не езжу? Так напомню, что у меня для этого имеется в наличии полный отдел подчиненных. Есть Маша с Олей, есть Костя, есть Юра, есть Кирилл, в конце концов... Почему вы хотите, чтобы встречалась с клиентом именно я?

– Да я ж тебе говорю – клиент больно серьезный! Практически олигарх, владелец заводов, газет, пароходов Селезнев Александр Михайлович, – аргументировал шеф. – Такого ни девочкам, ни Юре, ни даже Косте и уж тем более Кириллу доверить нельзя. А ты у нас специалист опытный, да и барышня

толковая. Ты его обаяешь так, что он не только на все свои заводы и пароходы наши системы поставит, но и друзьям своим нас порекомендует. А друзья у него, похоже, влиятельные...

Это был весомый аргумент. Упустить такого перспективного клиента действительно нельзя.

– Встреча предварительно назначена на одиннадцать, – продолжал шеф. – И как ты сама понимаешь, это недолго. Час, максимум два. К обеду уже точно освободишься. Ну так как, ты согласна?

Лара только вздохнула. На самом деле она планировала провести завтрашний день совершенно иначе. Взять отгул, которых у нее накопилось столько, что и не сосчитать, без спешки собрать вещи для путешествия в Доминикану и привести себя в порядок перед корпоративом. Съездить к Алене, которая, как бы ни была занята, всегда выкраивала время для подруг, сделать прическу, может, посетить салон красоты или массаж... Да просто выспаться, в конце концов! Но, как известно, человек предполагает...

– Хорошо, Валерий Евгеньевич, – кивнула Лара. – Я согласна. Адрес-то какой у этого вашего олигарха?

– Всю информацию тебе ближе к вечеру передаст Злата, – шеф снова отвел взгляд. – Адрес, точное время встречи и все такое...

Если бы Лара сразу поняла, что скрывается под этим небрежным «все такое», она, скорее всего, собралась бы с духом и решительно отказала шефу в его просьбе. Но в тот момент она уже мысленно прикидывала, как все успеть, и поэтому только кивнула и отправилась работать.

Вскоре у Ларисы возникло чувство, что в тот день во всей фирме работает только одна она – всем остальным не до того. Повсюду царил предпраздничная суматоха, слышались веселые голоса и смех, в воздухе витали запахи хвои, цитрусов и хорошего парфюма. Часть сотрудников уже взяла отгулы, увеличив себе каникулы, а те, кто еще оставался, как выражался шеф, «на посту», заняты были только разговорами о подарках родным и любимым и обсуждениями, кто, как, где и с кем собирается встретить Новый год и провести праздники.

– Лариса Вячеславовна, вот вам ваши билеты, – зашебетала, подскочив к ней, розоволосая Злата и протянула запечатанный конверт. – Поезд в Москву отходит сегодня в двадцать два сорок.

– Какой поезд? В какую еще Москву? – оторвавшись от монитора, Лара изумленно уставилась на девушку, не сразу даже уловив смысл ее слов. – Злата, ты что-то путаешь. У меня завтра на утро назначена важная встреча с клиентом. Вот, – она сверилась со своими записями, – Селезнев Александр Михайлович...

– Ну да, совершенно верно, – закивала Злата. – Но только клиент этот живет в Москве, а не в Питере. Вы что, не знали? Разве Валерий Евгеньевич не сказал вам? А мне он говорил, что...

Не дослушав девушку, Лара рванулась было в кабинет начальника, но Злата ее остановила:

– Лариса Вячеславовна, а Валерия Евгеньевича нет на месте. Он давно уехал. Вы же знаете, что они каждый год всей семьей ездят на зимние каникулы в Финляндию? Вот сейчас, наверное, как раз садятся в самолет... Как приедете в Москву, позвоните помощнику Селезнева Александру.

– Его тоже Александром зовут? – удивилась Лара.

– Ну да. А что, распространенное имя, – захлопала глазами Злата.

От таких новостей Лариса, конечно, разозлилась. То, что начальник, заставив ее работать практически в праздники, даже не счел нужным предупредить, что работу эту предстоит выполнять в другом городе, буквально взбесило. Первой мыслью было плюнуть на все, разорвать билеты на мелкие кусочки, швырнуть на ковролин, громко сказать: «Всем пока!» – и удалиться, картинно хлопнув за собой дверь. Но картинность хороша только в кино, где есть повторные дубли. А в жизни их нет – и если слажаешь, потом уже не исправишь. Сейчас такое время, что руководящими должностями в солидной фирме и с приличным окладом не раскидываются, как фантиками. И потому, немного остыв, Лара нашла в себе силы, чтобы не послать все к чертовой матери. Так или иначе, все проблемы решаемы. Вряд ли дела продержат ее в Москве больше нескольких часов, шеф сам об этом говорил. А дорога на «Сапсане» от Москвы до Питера занимает четыре часа, даже меньше. Значит, если Лариса поторопится, то успеет на

корпоратив. И проверит, действительно ли Иван будет ее там ждать – или он ляпнул это просто так... И бог с ним, с этим шефом и его Финляндией. Пусть себе катается на лыжах и любуется северным сиянием. А приедет – узнает столько нового о себе, что мало не покажется.

Вообще-то Лара собиралась после работы как бы случайно столкнуться у дверей офиса с Иваном, увидеть которого ей сегодня за целый день больше не удалось. Но теперь с этими планами пришлось распрощаться, нужно было спешить домой прямо сейчас и собираться в дорогу. И Лариса, оставив Костю «за старшего», рванула через предпраздничные пробки по живописно освещенным центральным улицам. Ехать в Москву она решила в одном из брючных костюмов – он не мнется и не потеряет вид за время дороги. И, пожалуй, можно ничего особенного с собой не брать. Кроме билетов, косметички, расчески, айфона, кошелька, паспорта и прочих каждодневных мелочей. Разве что книгу – почитать в поезде (Лара относилась к тому типу людей, которые предпочитали бумажные книги электронным). Ах да, еще же папку с документами. Значит, обойтись маленькой сумочкой не получится, придется захватить что-то повместительнее. А сборы чемодана в Доминикану отложатся на последний день...

Чтобы не заморачиваться с парковкой у вокзала, Лара поехала из дома на метро, и это оказалось намного быстрее. Путь от двери квартиры до места отправления занял всего тридцать пять минут – передвигаясь на автомобиле, да еще в предпраздничный день, о таком можно было только мечтать.

Ларисе всегда нравилась атмосфера вокзала и железной дороги. В детстве поезда кажутся сказочными каруселями, волшебными каретами, везущими в новую, неизвестную, но, разумеется, удивительную и прекрасную жизнь. Тогда каждая поездка с мамой в Питер была настоящим праздником. На фоне удивительной красоты Северной столицы с ее старинными дворцами и зданиями, каналами, мостами, коваными решетками, скульптурами, музеями и вкуснейшим мороженым такие мелкие неприятности, как несколько часов в душной и часто битком набитой электричке, казались пустяком. И даже напротив – по-своему нравились, поскольку воспринимались как неотъемлемая часть приключения.

Лет в десять Лара с подругами любили приходить к железной дороге, смотреть на проносящиеся мимо поезда, махать им вслед рукой и мечтать о путешествиях. А через год или два Лариса уже точно знала, какого именно

путешествия ждет – поездки в Петербург, но не на один день, а надолго, может быть, навсегда. Ту дорогу, когда они с Дашей и Аленкой ехали в Питер сразу после окончания школы, полные грез и радужных надежд, Лара, наверное, будет помнить всю жизнь. Электричка набирала обороты, увозя девушек в город мечты, а они смотрели в окно, как убегает перрон, как исчезает вдали красивое желтое здание лужского вокзала, и смеялись просто так, без всякого повода – просто от радости, от молодости, от веры в то, что впереди их ждет только счастье...

Оказаться на железной дороге было приятно еще и потому, что последнее время Лариса мало ездила на поездах. В редкие командировки и в отпуск летала на самолетах, бывала и в круизах – морских и речных. Но если не считать нескольких поездок по железным дорогам Европы, совершенным в основном из туристического любопытства, то Лара уже и не помнила, когда последний раз посещала вокзал. И теперь пришлось побегать, чтобы найти, где останавливается «Сапсан». Почему-то это оказалось непростой задачей – нужный поезд не значился ни на одном табло.

– Сегодня больше «Сапсанов» нет, последний на Москву ушел в 19.10, – объяснила женщина в «Справочном бюро».

– То есть как это «нет»? – изумилась Лара. – Мой поезд в 22.40...

Только сейчас она запоздало сообразила, что в суматохе так и не открыла переданный Златой конверт, поверила на слово и не проверила билеты. А это «чудо в перьях», конечно же, могло перепутать и время, и дату... Поспешно разорвав бумагу, Лариса вытащила билеты. Нет, вроде все правильно, 28 декабря, 22.41... Она показала билеты женщине в справочном окошке и услышала в ответ:

– Ну а «Сапсан»-то здесь при чем? У вас билет на «Арктику», это мурманский. Бегите быстрее, он уходит через семь минут.

Вот только этого не хватало! Пока Лариса разобралась, с какого пути отходит «Арктика», пока добежала до нужной платформы, пока нашла вагон, который, по закону подлости, находился, конечно, в самом конце перрона... Словом, к своему вагону она подлетела в тот момент, когда проводники уже закрывали двери.

– Еще попозже прийти не могли, девушка? – отчитала ее неприятная пожилая проводница, проверяя документы.

– Да вот, так получилось... – зачем-то стала оправдываться Лара.

– Выходить раньше надо – и ничего «так получаться» не будет! – пробурчала тетка.

– Не говорите мне, что мне делать, и я не скажу вам, куда вам идти, – парировала Лариса фразой, недавно вычитанной в Интернете.

Проводница, догадавшись, что ее послали, но не сразу сообразив куда, зависла на минуту, а потом возмущенно выплюнула:

– Хамка!

Лара забрала у нее свои документы и запрыгнула в вагон. Да, это был обычный поезд дальнего следования, а вовсе не высокоскоростной экспресс. И с чего Лариса вообще решила, что едет в Москву на «Сапсане»? Ведь никто о нем не говорил. Но так уж устроено человеческое мышление, привыкшее оперировать стереотипами. Нередко случается, что мы слышим совсем не то, что нам говорят, а то, что, по нашему мнению, нам должны сказать...

«Ладно, спасибо, что хоть не плацкарт», – заключила Лариса, двигаясь по узкому коридору в поисках своего купе. Нашла, отодвинула дверь... И застыла на пороге, осознав, что с соседями ей необычайно «повезло». За столиком сидели три мужика средних лет, по виду – типичные работяги, которые выглядели подозрительно веселыми, причем не возникало сомнений, что «веселятся» они от самого Мурманска – столик уже был заставлен целой батареей бутылок. Увидев симпатичную молодую женщину, мужики тут же принялись отпускать сальные шуточки и настойчиво уговаривать попутчицу выпить с ними в честь наступающего праздника. Оставаться в их теплой, во всех смыслах этого слова, компании у Лары не было никакого желания. Она вышла в коридор, отыскала проводницу, которая ходила по вагону, собирая билеты у севших в Питере, и попросила переселить ее в другое купе. Но тетка оказалась не только вредной, но и злопамятной.

– А куда ж я тебя переселю? – отвечала она с нескрываемым злорадством в голосе. – Сама видишь – вагон набит под завязку. Праздник же на носу. Ни одного свободного места до самой Москвы.

– Но может быть, кто-то из мужчин войдет в мое положение и согласится поменяться? – Лара, как обычно, предлагала рациональное решение. – Это ж недолго, только до утра.

– Вот сама и договаривайся! – фыркнула тетка и вновь поплыла по коридору.

Проводив ее возмущенным взглядом, рассерженная Лара вытащила айфон, вышла в Интернет и стала искать, где можно написать жалобу на такое беспардонное поведение проводника. И тут же наткнулась на информацию, что в фирменном поезде «Арктика» имеется вагон-ресторан. Может, посидеть там? Все лучше, чем терпеть в купе общество этих алкашей или торчать в коридоре, как сотовая вышка посреди чистого поля... Лариса прошла по вагонам и отыскала ресторан, выглядевший на удивление современно и довольно уютно. Зеленые цвета удобных кресел хорошо гармонировали с новогодним оформлением, которое здесь, в отличие от офиса, выглядело вполне уместно. Ресторан не пустовал, но и не был полностью забит – так, примерно половина мест свободно. И Лару это вполне устраивало.

– Вы до какого времени работаете? – спросила она у убиравшей со столика девушки восточного вида в белоснежной форме, и с радостью услышала в ответ:

– Вообще, до двенадцати, а так – до последнего по-сетителя.

Такой вариант Ларису очень устраивал, тем более что из-за поспешных сборов она с самого утра ничего не ела. И потому, наплевав на все советы из гляцевых журналов и женских интернет-порталов, категорически запрещающих есть после шести, Лара заказала полный ужин с салатом и десертом и комфортно устроилась за свободным столиком.

Напротив нее, через проход, сидела пара лет под пятьдесят, судя по всему, супруги. Допив сок, женщина достала из сумочки смартфон и с досадой воскликнула:

– Ну вот, отключился! А я опять забыла код. Сереж, ты не помнишь, у меня «двадцать два тридцать три» или «тридцать три двадцать два»?

К тому, что ответил ее спутник, Лара уже не прислушивалась. Слово «код» напомнило ей вчерашний вечер, новоселье с подружками и Дашкино пожелание обязательно найти в наступающем году «свой код счастья». Смешная все-таки эта Дашка... Вроде взрослая женщина, мать троих детей, да и умница, в житейских делах может дать совет лучше всякого психолога – и в то же время до сих пор во многом осталась ребенком, наивной фантазеркой. Это ж надо до такого додуматься – «код счастья»! Как может счастье зависеть от каких-то цифр? Во всяком случае, усмехнулась про себя Лариса, ее кодом счастья уж точно не стали номер вагона и места в этом поезде...

За ужином она все-таки вспомнила, когда последний раз ездила в поезде. О ужас, это было больше пятнадцати лет назад! Какая же она уже старая... Сразу после успешно сданной первой летней сессии Лара подбила Дашку смотаться в Краснодарский край. Дашка не стала отказываться, ведь тогда она, как и Лариса, еще никогда в жизни не видела моря. Алена с ними не поехала, она на тот момент уже была беременна Ником и неважно себя чувствовала. Ездили подруги, конечно, по системе, как смеялась Дашка, «эконом на всем» – добирались плацкартом и остановились в самой дешевой гостинице из возможных, бывшем советском санатории, построенном, наверное, в шестидесятые и с тех пор так ни разу, похоже, не отремонтированном. Отпуск прошел в состоянии блаженного безделья – целыми днями валялись на пляже, загорали, плескались в море, болтали и смеялись. За день до возвращения в Москву в той же гостинице поселились спортсмены, из Абхазии, что ли, а может, и из Аджарии. То ли сборы у них проходили, то ли просто командой отдыхали... Кажется, борцы: уши варениками, шеи мощные – воротники отглаженных рубашек не сходились. Может, вольники, а может, и классики, девчонки не разбирались, да и не суть важно. Ребята были, в общем, ничего, только все почему-то казались на одно лицо. Compliments Лара с Дашкой тогда наслушались лет на десять вперед. А вечером согласились пойти со жгучими брюнетами в кафе, очень уж вежливо и галантно приглашали кавалеры. Сначала, как говорят, ничто не предвещало, а когда запахло керосином, девочки поняли: надо срочно что-то предпринимать, иначе ни администратор не спасет, ни милиция не успеет. Лара тогда из-за паники впала в ступор, а на Дашу с перепугу, напротив, нашло озарение. Кое-как рассовав вещи по сумкам, они вылезли через балкон и рванули вверх по пожарной лестнице. Незапертый выход на технический этаж под самой крышей оказался благословением небес. Среди сваленного после ремонта хлама девушки нашли старые дерматиновые

кресла, сдвинули их и устроились валетом. Жестко, неудобно, все тело моментально затекло, но все лучше, чем ночью на вокзале или на пляже. Прислушивались к каждому звуку, любой шорох казался подозрительным. Девчонки вздрагивали и давились нервным смешком. Когда что-то мягко запрыгнуло Ларе на живот, она чуть сознание не потеряла от страха. Как не заорала, самой непонятно. Это что-то потопталось по ней и свернулось на груди пушистым клубочком, затарахтев от удовольствия. Так они и уснули. Под утро котенок исчез, оставив на платье следы от побелки. А подружки со всеми предосторожностями выбрались из убежища, сдали номер, забрали паспорта и, оглядываясь по сторонам, тряслись на перроне до подачи состава...

Лариса готова была просидеть в вагоне-ресторане до утра, слушая мерный стук колес и предаваясь воспоминаниям, но в первом часу все посетители понемногу разошлись, и Лара тоже решила, что и ей пора честь знать – нужно же дать отдохнуть работникам ресторана. Без всякой охоты вернулась в свое купе, лелея надежду, что ее попутчики уже как следует накачались и завалились спать. Но не тут-то было. Посиделки продолжались, и Ларин приход вызвал у соседей по купе новый прилив оживления. Но она уже подготовилась к обороне и, решительно отказавшись, а точнее, просто отбившись от назойливых приглашений в компанию, залезла на верхнюю полку (хотя билет у нее был на нижнюю) и отвернулась лицом к стене.

Попутчики, поняв наконец, что Лариса не их поля ягода, отстали от нее и переключили все свое внимание на остатки выпивки. Их богатые запасы спиртного закончились только под утро. Когда пьяные разговоры о бабах, футболе, политике и ценах на бензин сменились мощным трехголосым храпом, шел пятый час утра. Лара держалась за голову и считала минуты до прибытия.

Она была уверена, что ни за что не сумеет уснуть в такой обстановке – но все-таки отключилась перед самой Москвой и проснулась, когда поезд уже стоял. Кроме нее, в купе никого не было, а за окном виднелась платформа вокзала. Очевидно, вредная проводница нарочно ее не разбудила. Заторможенная спросонья, Лара стала спускаться. Вдруг вагон дернулся, нога, которую она поставила на лесенку, соскользнула, Лариса потеряла равновесие и пребольно ударилась скулой о полку. Вагон качнулся еще раз, и Лара, испугавшись, что ее сейчас увезут куда-нибудь в депо, обулась, подхватила вещи и заторопилась к выходу.

Глава 5

Алена. Сказка без хеппи-энда

На половину четвертого записалась соседка Антонина Николаевна. Ей было лет семьдесят, точнее, Алена не знала, а спрашивать считала неприличным, хотя общались уже давно, лет восемь, с тех пор, как Алена сняла квартиру в этом районе. Первый же раз пойдя в сетевой супермаркет неподалеку от дома, она познакомилась там с веселой старушкой из тех, что красят седину в бледно-фиолетовый цвет и ходят в забавной несуразной одежде. Разговорившись в очереди у кассы, они выяснили, что живут в соседних подъездах. Алена рассказала, что работает парикмахером на дому, и Антонина Николаевна этим заинтересовалась. Узнала расценку и начала ходить к соседке, радуясь, что у той дешевле, чем в салонах, а качество не хуже. За время их знакомства Антонина Николаевна почти не изменилась, разве что поддалась на уговоры Алены и стала краситься в более естественные цвета. А так оставалась все той же неисправимой оптимисткой и шутницей, всегда приходила с какой-нибудь забавной историей или новым анекдотом. Иногда Алена втихаря завидовала жизнерадостности старушки. Сама она последнее время все чаще хандрила и чувствовала, что у нее опускаются руки. Особенно после того, как у Ника начался этот проклятый переходный возраст.

Однако сегодня Антонина Николаевна не казалась такой веселой, как обычно. Соседка выглядела задумчивой, и мысли ее явно были не из приятных.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Алена, забирая у старушки мокрое пальто и вешая его на вешалку. – Погода сегодня дрянь, да? Не то что вчера...

– Погода? – рассеянно переспросила соседка. – А, да... я и не заметила...

– Что-то случилось? – обеспокоилась Алена.

– Да так... – вздохнула Антонина Николаевна и наклонилась, чтобы снять боты. Алена поспешила подать ей новенькие тапочки, которые специально покупала для клиенток пачками.

Они прошли в комнату Алены, и соседка машинально уселась в кресло.

– Все как обычно, стрижемся-красимся? – уточнила Алена, накрывая ее пеньюаром.

– А? Ну да... Знаешь, я бы и не пришла сегодня, но раз записалась... Не хотела тебя подводить. У меня Леня заболел, – поведала Антонина, когда Алена начала разводить краску.

Леонидом звали мужа Антонины. Алена часто встречала его во дворе, одного или вместе с супругой. Он ей нравился – сухенький, интеллигентный, заметно постарше жены, но еще бодрый старик. Он всегда вежливо здоровался и любил носить шляпы. Настоящий старый петербуржец, которых с каждым днем, увы, становится все меньше и меньше.

– Почку ночью прихватило, – рассказывала Антонина. – Так он до утра ждал и меня не будил. Проснулась – а он по квартире ходит, за поясницу держится. Я говорю: что же ты, надо было сразу «Скорую» вызывать! А он: надеялся, что пройдет, не хотел ночью людей беспокоить. Деликатный он у меня... К утру не прошло, конечно. Вызвали врачей, а те даже смотреть толком не стали, сразу увезли в больницу, в Александровскую. Хотела с ним поехать – не пустил. Нечего, говорит, Тоня, тебе тащиться куда-то в такую рань, поспи лучше, отдохни... А мне какой отдых, когда он в больнице...

– И как он сейчас, не знаете? – сочувственно поинтересовалась Алена, накладывая краску на поредевшие волосы клиентки.

– Да уж позвонил... – Антонина чуть улыбнулась сквозь навернувшиеся на глаза слезы. – Говорит, укол сделали, стало получше. Но я ж слышу, что голос слабый... Небось нарочно сказал, чтобы я не переживала. Но я сейчас вот прямо от тебя в больницу, там как раз с семи приемные часы... А завтра с утра поеду, с врачом поговорю. Узнаю, что и как.

Алена слушала клиентку внимательно и сочувственно. Ей всегда становилось грустно, когда у знакомых что-то случалось с их близкими. Особенно остро она стала ощущать это с тех пор, когда у нее появился сын, примеряя все печальные житейские истории на себя и Ника. К счастью, у сына было хорошее здоровье, и за свои пятнадцать лет он еще ни разу не лежал в больнице. Но случись что-то подобное, Алена бы, наверное, с ума сошла от переживаний... Антонина привязана к мужу не меньше, чем Алена к сыну. Иногда Алена пыталась убедить

себя, что быть одной, без мужа, – это даже лучше. А то в старости, когда и у самой-то здоровья уже нет, сиди и переживай то за детей, то за супруга. Да и один умирающий родитель – все же меньшая нагрузка для ребенка, чем два немощных старика... Это, конечно, были просто слабые утешения одинокой женщины за тридцать, но иногда Алене почти удавалось в них поверить.

– Может, его отпустят домой на праздники, Новый год все-таки... – снова заговорила соседка. – А нет – так хоть мандаринчиков ему отвезу. Есть мандарины ему, наверное, не разрешат, но он очень запах любит. Не может в Новый год без мандаринов... – Антонина Николаевна сморгнула, и Алена испугалась, что соседка сейчас заплачет.

– Конечно, принесите, – бодро поддержала она соседку. – Он обрадуется и быстрее на поправку пойдет.

Ей было всей душой жаль Антонину Николаевну, но едва ли ей можно чем-то помочь, кроме сочувственных слов. Старость, как говорится, не радость...

– А я ведь совсем одна в квартире, с котом, – снова вздохнула Антонина Николаевна. – Так не хочется Новый год без Лени встречать...

– А что же Алеша с семьей? Вы говорили, они собирались приехать на каникулы? – Сын Антонины Николаевны работал в Китае, и старушка, чтобы общаться с ним и внуками, даже освоила скайп, чем очень гордилась.

– Да вот, не получилось. У них ведь наш Новый год – не праздник. Тяжело, конечно, так редко детей видеть. Но что поделаешь... Зато Алеша зарабатывает хорошо. И нам с Леной помогает. На пенсию-то поди проживи...

– Это точно, – согласилась Алена и тоже невольно вздохнула.

Сегодня общение с Антониной Николаевной, обычно всегда поднимавшее настроение, еще больше выбило Алену из колеи. Она почему-то принялась представлять себя в старости: дряхлой, больной, беспомощной... И одинокой. Будет ли Никита заботиться о ней? Судя по тому, как он ведет себя сейчас, – вряд ли...

Краска была наложена, теперь оставалось подождать сорок минут, пока она подействует. Чтобы клиентка не скучала, Алена включила телевизор, пощелкала пультом, нашла какой-то сериал, а сама отправилась на кухню. Надо все-таки выпить наконец кофе. И неплохо бы еще съесть какой-нибудь бутерброд, а то со вчерашнего дня, после Ларисиного новоселья с Дашкиными вкусняшками, у Алены еще маковой росинки во рту не было. Снова ткнув кнопку чайника, женщина открыла банку растворимого кофе и достала из сушилки над раковиной любимую красную кружку.

Красный всегда нравился Алене больше других цветов – такой яркий, позитивный, жизнеутверждающий. На выпускной она надела платье ярко-алого цвета и была в нем, как не уставали ей повторять весь вечер, ослепительно хороша. Конечно, то, что она красива, не стало для Алены новостью – она слышала об этом с детства. Еще с тех времен, когда совсем крошкой неуверенно ковыляла по улице с мамой за ручку, Алена привыкла, что люди с улыбкой смотрят на нее и хвалят: «Какая хорошенькая!» В школе Алена считалась первой красавицей класса, девчонки ей завидовали, а мальчишки все одиннадцать лет постоянно оказывали ей знаки внимания. Но сначала Алене они просто не были интересны, ее гораздо больше привлекало шитье нарядов для кукол. А потом, когда она доросла до подросткового возраста, уж тем более стало не до любви – требовалось решать куда более приземленные проблемы. Так что, если не считать невнятных детских влюбленностей в парочку актеров, можно сказать, что до самого отъезда в Питер сердце Алены оставалось свободно.

Тогда, в то далекое послешкольное лето, Петербург встретил их солнцем и цветами. В буквальном смысле цветами, потому что, выйдя с подругами из здания вокзала, Алена первым делом увидела цветочный ларек, наполненный розами. Ярко-алыми, как ее выпускное платье. И это показалось счастливым предзнаменованием.

Алена подала документы в художественно-промышленную академию. Разумеется, на бюджет – когда у тебя оба родителя алкоголики, о платной учебе не может быть и речи. Творческое собеседование она прошла хорошо, принимавшая его преподавательница с интересом рассматривала работы абитуриентки и похвалила некоторые из них. И даже дошла до конца экзаменов, но для поступления не хватило баллов. Подвело сочинение, за которое Алена получила только тройку. Не повезло, все темы попались по произведениям, которые она сама и не читала даже, а знала только по пересказам Ларисы и Дашки.

В первый момент показалось, что все, жизнь кончена, – но это ощущение прошло на удивление быстро. Подружки убедили, что на будущий год Алена обязательно поступит, надо только как следует позаниматься. Тут же подвернулась и работа – официанткой в симпатичном кафе неподалеку от дома Дашкиной тетки. Там Алена и влюбилась. Влад пришел в кафе утром, а вечером уже ждал ее после смены с огромным букетом роз. И Алена даже не удивилась, увидев, какого цвета эти розы – разумеется, ярко-красные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/oleg-roy/kod-lichnogo-schast-ya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)